Андрей Денисов
Малышкина и Карлос
Магические врата
Трудно быть магом!

Елена Старкова
Андрей Денисов
Малышкина и Карлос. Магические врата

Текст предоставлен издательством «Армада»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169106
Малышкина и Карлос. Магические врата: Армада; Москва; 2006
ISBN 5-93556-811-X

Аннотация

Трудно быть магом! Трудно, но страшно интересно, а главное – непредсказуемо интересно, потому что в магическом мире причина и следствие слишком часто меняются местами и все что угодно может быть связано со всем чем угодно. А это гарантия крутых поворотов сюжета и головокружительных приключений героев. Тинейджеры Алиса и Юля, знаменитый рэпер Миха Швыров, профессор квантовой физики Серебряков и целительница Ванда решили оживить знаменитого чернокнижника прошлого Якова Брюса и… выпустили из бутылки такого джинна, по сравнению с которым «заключенный» медной лампы Аладдина всего-навсего ученик чародея…

Содержание

Часть первая 4
Глава 1 4
Глава 2 57
Глава 3 93
Конец ознакомительного фрагмента. 126

Часть первая
Башня полковника Сухарева

Глава 1

Алиса Малышкина спала самым крепким сном, какой только можно себе представить. Занавески в просторной комнате не были задернуты, и через открытое окно вкатилось раннее солнце. Лучи его отскочили от висевшего на стене большого старинного зеркала в резной позолоченной раме и широкой полосой пробежали по пушистому оранжевому ковру на полу, по кровати, настенным часам над нею, но разбудить девочку им так и не удалось.

Алиса уснула очень поздно, потому что ей непременно надо было дочитать до конца «Одиннадцать минут» Паоло Коэльо. Родители считали, и не без оснований, что подросткам рановато читать такие проблемные книги. Хорошо хоть, что мама с папой всегда слишком заняты собой и работой, чтобы контролировать каждый шаг своего единственного чада. Они же эфирят с утра до вечера, иногда даже остаются в телецентре на всю ночь, как, например, сегодня.

Будильник этим утром почему-то не прозвонил, а достойного повода просыпаться самой в такую рань у Алисы не на-

шлось. Девочка не слышала, как во входной двери повернулся ключ, и в квартиру влетела раздраженная мама. Она сразу заметила Алисин рюкзачок, одиноко висевший на вешалке. В квартире царил классический беспорядок: посуда в раковине на кухне не помыта, и, мало того, чашки, вилки и ложки, книги, Алискины вещи валяются по всей квартире.

– Дочь! – завопила мама, одновременно освобождаясь в прихожей от туфель на высоченном каблуке. – Алиса! Ты опять проспала! Ну вся в папашу своего бестолкового… Алиса!

Расставаться просто так, без всякого сопротивления, с чудесной постелью и цветными снами Алисе ужасно не хотелось. Поэтому она отвернулась к стенке и промычала в подушку, что спит, но мама была непреклонна.

– Ну-ка немедленно вставай! Бессовестная, мы с папой платим такие деньги за курсы английского, а ты дрыхнешь без задних ног! Давай, шевелись. Если поторопишься, еще успеешь!

– А-а-а! – Алиса резко дернулась и села на постели. – Никто не просил вас записывать меня на эти дурацкие курсы! Я не хочу все лето как дура зубрить этот тупоумный английский!

– Это дурам английский ни к чему, а нам очень даже к чему, – возразила мама и сдернула с дочери одеяло.

Пришлось Алисе тащиться в ванную, умываться, одеваться. Наконец она выползла на кухню и налила в чашку зава-

ренный матерью кофе. Мама, кутаясь в шелковый фиолетовый халат, сидела на высоком табурете, положив ногу на ногу, и курила тонкую черную сигарету.

– В городе творится самый настоящий бедлам, – сказала она и подвинула дочери тарелку с бутербродами. – Люди как с ума посходили.

– А что, на работе что-нибудь случилось? – с отсутствующим видом спросила Алиса…

Суета в телестудии Останкино достигла пика. Постороннему могло бы показаться, что это мельтешит и вьется в аду мелкая нечисть, но на самом деле весь этот хаос был тщательно спланирован и продуман до мелочей. Напротив камеры, за стеклянным синим столом с мрачным и неприступным видом восседала Корделия Малышкина, звезда самой популярной новостной программы – TV Ведомости.

Мимо нее то и дело пробегали редакторы с одинаковыми черными папочками в руках, двое парней выставляли освещение. Корделия смотрела на них с недовольным выражением лица. Перед эфиром ее могла вывести из себя любая мелочь, буквально все что угодно. Поэтому опытные работники студии просто не рисковали приближаться к ней ближе чем на три-четыре метра.

Зато к ней сунулась визажист Света – щупленькая чернявая девушка, напоминающая ворону своим острым носом и черными пронзительными глазками. Корделия, возмущен-

ная бесцеремонностью, отпрянула от протянутой к лицу кисточки.

– Вы что это себе позволяете? – спросила она тихо, но грозно.

Светочка задрожала как осиновый лист.

– Ну пожалуйста, Корделия… – проблеяла она испуганным голосом.

– Какая я вам Корделия, для вас я Корделия Петровна! – сказала как отрезала та. – Извольте выйти вон. Вон отсюда! Поналезли тут всякие!

Светочка быстренько ретировалась, смахивая слезы с покрасневших от обиды щек.

– Какая же ты все-таки… Я бы тебя… – прошептала она тихонько, чтобы никто не услышал.

Светло-рыжая, с острой мордочкой лисенка Ниночка Водорябова, помощник режиссера, подняла ладонь над головой и крикнула:

– Внимание, эфир! – И начала отсчет, сопровождая его энергичными взмахами руки: – Пять, четыре, три, два, поехали!

При счете «два» на лице Корделии расцвела лучезарная улыбка. Как только камера заработала, сразу стало понятно, что в кадре – настоящий профессионал.

– Добрый вечер! – произнесла она своим знаменитым грудным контральто. – Сегодня, двадцатого июня, в восемь часов утра в небе над Москвой появился неопознанный ле-

тающий объект. Как сообщили врачи «скорой помощи», по пути следования объекта отмечено несколько случаев необъяснимой потери чувства времени свидетелями этого происшествия. Подробности в нашем специальном репортаже.

На экране появилась картинка очень плохого качества, дрожащая, смазанная и нечеткая. Видимо, кто-то снял происшествие на мобильный телефон. Голос Корделии за кадром тут же это подтвердил:

– К сожалению, у нас имеется только любительская съемка.

По небу неуклюже и как-то бессистемно металось нечто серебристо-каплевидное с длинным огненным хвостом, оставлявшим за собой медленно исчезающие в воздухе зигзаги. По размытому изображению трудно было судить о размерах, но гигантским это нечто не было. И вдруг оно резко устремилось вниз и пропало из поля зрения.

– Очевидцы по-разному комментируют это событие. Слово нашему специальному корреспонденту Владимиру Малышкину. Владимир!

На экране появился русоволосый полный журналист средних лет с западающим в душу честным взглядом серых глаз.

– Сотни, даже тысячи москвичей и гостей столицы, – бойко крикнул он в микрофон, зажатый в руке, – видели этот неопознанный летающий объект, который медленно проплыл над проспектом Мира, затем ускорил свое движение и как сквозь землю провалился в районе Сухаревской площа-

ди! Самое удивительное, что все произошло без малейшего звука, совершенно бесшумно! На асфальте нет никаких следов столкновения объекта с землей! Абсолютно никаких! Сейчас мы узнаем, что думают об этом событии свидетели…

На экране возникла бабулечка в нелепом вишневом балахоне и больших синих очках, делавших ее похожей на стрекозу. Тот факт, что она оказалась в центре внимания и ее показывают по телевизору, подействовал на нее как глоток энергетического напитка. Ее глаза за синими стеклами азартно сверкнули.

– Это может быть все что угодно, только не летающая тарелка! – заявила она самым авторитетным тоном.

– Что же это, по-вашему?

– Может, дракон какой или того хуже, не к ночи будь помянут! – несколько туманно сформулировала свое видение проблемы бабулька. – Чует мое сердце, быть беде… Ох, непростая это тарелочка! Мы еще все натерпимся, помяните мое слово!

Репортеру не удалось скрыть своей разочарованности этим несерьезным ответом. Однако он тут же нашел выход и сообщил, что имеется счастливая возможность взять интервью у знаменитого рэпера Михаила Швырова, еще одного свидетеля происшествия.

Камера показала наездом кумира молодежи: высокого парня лет двадцати в желтой бейсболке с несусветно длинным козырьком, в свободной оранжевой куртке и приспу-

щенных на мыски навороченных кроссовок широких штанах цвета хаки.

– Михаил, что вы думаете об этом?

– Клевый был пепелац! – заявил Швыров с рэперскими интонациями в голосе, качнулся из стороны в сторону, как боксер, и добавил: – Облом атаки клонов, йо!

К счастью, Малышкину перевод этого кодированного сообщения не понадобился. Его пятнадцатилетняя дочь Алиса свободно говорила на молодежном жаргоне и постоянно приносила домой непонятные слова и выражения. Пепелац – это любой сложный агрегат, все что уго-дно – от космического челнока до холодильника. Но может быть, не все телезрители это знают?

– Вы хотите сказать, что это был искусственный летательный аппарат пришельцев и он разбился? – уточнил журналист.

– Но пасаран! Они не пройдут, – сказал рэпер с насмешливой улыбкой, но тут же сделал сосредоточенное лицо и крикнул, подняв на уровень плеча сжатый кулак левой руки: – Рот фронт. Да здравствует рэп-анархия, йо!

Что за тарабарщина? Малышкин слегка растерялся и не нашел ничего лучшего, как закончить интервью.

– Михаил, спасибо за ваше мнение. Корделия, – сказал он, с беспомощной улыбкой глядя в объектив телекамеры…

Путешествия во времени зачастую непредсказуемы, ни-

кто не может дать гарантии, что флогистон поведет себя так, как требуется. Карлос прекрасно сознавал степень риска и пошел на него совершенно сознательно. Он не мог допустить, чтобы это дело доверили менее опытному сотруднику Группы магического антитеррора. Самый безопасный способ изменить что-то в будущем, это не дать ему свершиться в прошлом. Любой ценой…

Нештатную ситуацию своими силами Карлосу ликвидировать не удалось, борт вышел из-под контроля и завис над Москвой в диапазоне видимого излучения, что было строго запрещено инструкцией по эксплуатации темпопланов. Вдруг машина резко завалилась на бок и устремилась к земле.

Карлоса выбросило из кресла на стену, но в последний момент включился автопилот и предотвратил неминуемое разложение на атомы. Черные пластиковые доспехи спасли Карлоса от ушибов и переломов, но боль была очень сильной. Тем не менее он вздохнул с облегчением. Бортовой компьютер успел изменить плотность поверхности Земли в заданной точке, а потом включил программу регенерации пространства для восстановления покрытия на Садовом кольце там, где капсула, как нож в масло, ушла в землю. По оживленной трассе как ни в чем не бывало в обе стороны бежали потоки машин.

Карлос подумал, что все, что ни делается, к лучшему. Здесь, под Сухаревкой, пустот и подземелий больше, чем в

любом другом месте Москвы, есть где оставить поврежденную машину. К тому же этот район напрямую связан с его секретной миссией!

Чтобы выбраться из капсулы, пришлось замедлить ход времени с помощью индивидуального преобразователя! Столько нарушений Кодекса магической чести в течение пары минут! Но что ему еще оставалось делать?

Карлос пришел к выводу, что темпоплан в любую минуту может взорваться. Нужно срочно покинуть борт. Он привычным движением собрал свои длинные черные волосы в хвост и закрепил его на затылке. Рассовал по нагрудным карманам несколько магических прибамбасов, оказавшихся под рукой, и окинул взглядом пульт управления. Большая часть лампочек мигала красным светом. Плохо дело – сейчас рванет!

Карлос надел черный блестящий шлем с прозрачным забралом, набрал полные легкие воздуха и шагнул прямо в земную твердь. Через пару десятков метров он вышел из кирпичной стены в глубоком подземелье. Вокруг была непроглядная тьма, пришлось включить маленький, но мощный фонарь на шлеме. Карлос увидел, что находится в довольно широком туннеле, уходившем направо и налево в бесконечную темноту.

В этот момент позади него раздался мощный взрыв. Воздушная волна подхватила Карлоса как пушинку и бросила на противоположную стену. Он успел сгруппироваться, но удара о твердую поверхность почему-то не последовало. От

высокого давления у него потемнело в глазах, он потерял сознание. А когда пришел в себя и увидел, где находится, буквально схватился за голову…

Алиса перестала жевать и с интересом посмотрела на маму.

– Ты так все на свете проспишь! – поддела ее Корделия. – У нас над Москвой НЛО пролетел!

– Да ну? Пролетел, на головку сел?

– И твой любимый папенька запорол идеальный информационный повод. Взял интервью у этого невозможного Швырова, которого ты слушаешь денно и нощно.

Когда речь шла о муже, Корделия не считала нужным скрывать своего раздражения. А Швыров у нее был предметом нападок номер один. Она искренне ненавидела рэп за то, что в нем якобы много сленга и мало мыслей. А сленг в доме Малышкиных был под запретом.

– Мам, спасибо, все было вкусно! – Алиса покончила с завтраком и выпорхнула из-за стола. – Пойду Юльке Белобратовой позвоню! Мы с ней сегодня вечером на концерт идем в Олимпийский.

О том, что это будет концерт знаменитого Швыра, Алиса решила благоразумно умолчать.

– Небось еще дрыхнет твоя Юлька! – с надеждой в голосе сказал мама. – Нет бы дружить с приличными девочками, так нет, с Белобратовой с этой! Она ведь троечница! И отец

у нее подозрительный тип.

Алиса хотела заметить, что среди троечниц полно приличных девочек, а дочь за отца не отвечает, но не стала– мама могла завестись минут на двадцать. Поэтому она молча ретировалась в свою комнату, где стоял спаренный телефон, и, разговаривая с подругой, чтобы не терять времени даром, принялась разглядывать свое отражение в старинном зеркале.

Обычно девчонкам что-то радикально не нравится в собственной внешности. Одни бы отдали все что угодно, лишь бы исправить нос, другие переживают, что волосы у них не такие, как у рекламных красоток, и прочая, и прочая. Но Алиса была далека от таких крайностей. Покрутившись перед зеркалом, она осталась довольна своим видом. Из золоченой рамы на нее смотрели озорные серые глаза с темно-голубой каемочкой, веселые ямочки на щеках выглядели просто потрясающе, светлые кудряшки выбивались из-под стильной красной тюбетейки, юбочка тоже была красной и очень коротенькой. Алиса подмигнула себе самой и вышла из комнаты.

– Я побежала, мам! – крикнула она уже из прихожей.

– Ключи не забудь!

Корделия убедилась, что на лестничной клетке никого нет, тщательно заперла за дочерью дверь и кинулась к телефону на кухне. Ей так редко удавалось побыть наедине с собой, и как же ей этого не хватало, кто бы знал! Наверное, и

цвет лица был бы лучше, и нервы покрепче. Но это важное дело отложить не удастся.

Пританцовывая на месте от нетерпения, она набрала номер своей, можно сказать, личной ворожеи и долго ждала, когда же на том конце провода поднимут трубку.

– Ой, Вандочка, милая! – залебезила она, услышав в телефоне знакомый голос. – Здравствуйте, моя хорошая! Видела ваше интервью по телевидению, вы просто замечательно выступили, поздравл… – Она не договорила, поскольку трубка надолго захлебнулась скороговоркой, Корделия только успевала вставлять свои «ага» и «угу», а в трубке все журчало и журчало.

– Поняла, поняла, баба Ванда! Может, не все так плохо, как вам кажется. Неизвестно ведь толком, что это за НЛО к нам завернул. Я к вам по другому вопросу… По поводу моего мужа, да, Владимира Малышкина… Когда к вам можно подъехать? Нет, в шесть я уже должна быть на телевидении. Угу, угу. Ровно в четыре! Идет, пока, дорогая… – Корделия положила трубку и довольно улыбнулась…

Концерт в спортцентре «Олимпийский» подходил к концу. Огромный крытый стадион гудел словно гигантский улей, набитый взбесившимися пчелами. Под черным потолком, подобно сумасшедшему северному сиянию, полыхали разноцветные огни. Фанаты уже устали биться в экстазе, но продолжали по инерции вскидывать руки, встречая каждую

фразу своего идола восхищенным «йо!». По сцене метался кумир тинейджеров, знаменитый Михаил Швыров, просто неотразимый в своем рэперском прикиде. Размахивая свободной рукой, он вещал в микрофон хриплым речитативом:

Хочешь быть крутым? Сначала стань собой.
И тогда все скажут: йо, ты крутой!
Если ты из теста, какого надо,
То возьмешь любые галимые преграды.
Йо, все кульно! Смотри на меня!
Жизнь без обломов отстой и лажня!
Все люди бразы, слепи ништяк,
Главное – свобода, ты понял, чувак?

Алиса самозабвенно вопила вместе с толпой, а Юльке временами даже удавалось ее перекричать. Обе они дрожали, как две струны, сливаясь с ритмом барабана и баса, заставлявшим сердце биться быстрее, чаще, громче, зато где-то в области диафрагмы сверхнизкие частоты попадали в невидимую ловушку, вызывая ощущение приятной истомы. И еще их обеих приподнимало над полом магическое чувство единения с толпой, со всеми этими сверстниками-подростками, которых они не знали, но которые сейчас так же вибрировали на одной частоте с ними.

Кто хоть раз в жизни чувствовал, как волоски на теле приподнимаются, превращаясь в миниатюрные антенночки, а по спине пробегают одновременно табуны мурашек и горячие

волны восторга, да такого, что хочется прыгать и кричать, – каждый испытавший это ощущение непременно захочет пережить его еще раз.

Песня кончилась, толпа замерла, но через секунду начала громко скандировать хором:

– Швы-ров! Швы-ров! Швы-ров!

Хорошенькая заплаканная девчонка кричала почти на ультразвуке:

– Миха! Я люблю тебя!

Но соперницы оттирали ее все дальше и дальше от предмета обожания. Фанатки протискивались к сцене, и оставалось только удивляться, как ухитряются такие субтильные девушки прокладывать себе дорогу в толпе, действуя как миниатюрные бульдозеры.

Алиса и Юля крепко взялись за руки, чтобы не потеряться, и потихоньку двинулись к выходу. Идти пришлось долго. Толпа потоками выливалась из подъездов крытого стадиона. Выбравшись из нее, девочки направились к ближайшему киоску, чтобы купить себе минералки.

– Уфф, – выдохнула симпатичная брюнетка Юля, обмахиваясь голубой тюбетейкой. – Правда, здорово?

– Здорово! Мне бы так хотелось посмотреть на Швыра вблизи! – Алиса мечтательно прищурилась.

– А ближе к телу познакомиться не хочешь? – подколола ее Юля. – Мечтать не вредно!

Толпа все еще текла мимо, но уже разбившись на отдель-

ные ручейки, редея и тая. Девчонки допили минералку и не торопясь пошли к метро.

– Жаль, что мне еще нет восемнадцати… – вздохнула Юля. – Я бы Швырова приворожила, но мама говорит, нельзя, это может плохо кончиться…

– И после восемнадцати нельзя! – убежденно возразила Алиса. – И тебе это отлично известно! Вот глупости! Хотя Швыр – это что-то!

– Известно, неизвестно… Слушай, Алис, а заговор на привлекательность использовать можно, так ведь?

– На привлекательность можно, только кого привлекать? Со Швыром так просто не познакомишься! У него девчонок как зимой снегу. Что мы с тобой? Публика! – закончила она грустно.

– Давай посидим тут, на лавочке. Так домой идти неохота!

Алиса с Юлей уселись как две кумушки и принялись обсуждать проходивших мимо людей. Для каждого у них нашлось по словечку, и скоро девчонки почти рыдали от смеха. Алисе даже стало жарко, и она оттянула на себе майку, чтобы немного остыть. На шее у нее сверкнула цепочка с необычным кулоном.

– Ой, – встрепенулась Юля, – ну-ка покажи, я этого у тебя раньше не видела!

– Я у мамы из шкатулки взяла. Без спросу. На, смотри… – Алиса расстегнула цепочку и протянула Юле на ладони маленькое чудо.

– Ух ты-ы! – зачарованно ахнула Юля. – Красота-то какая!

Это была античная гемма, барельеф на розовом опале. На гладко отшлифованном камне был изображен Гермес в Перикловом шлеме, покрытых узором латах и крылатых сандалиях. Быстроногий посланник богов, покровитель воров, мошенников и торговцев был вырезан так искусно, что невольно возникал вопрос: какой же маленький гномик так славно потрудился над этим камнем?

Само собой, Юля была восхищена геммой, как и любой другой человек, оказавшийся на ее месте. Оказалось, эта безделушка была подарена Корделии ее бабушкой в день совершеннолетия. По традиции она перешла бы Алисе, но у той не хватило терпения дождаться этого счастливого момента.

Глядя на амулет, нельзя было не догадаться, что вещь это не только старинная, но наделенная какой-то неявной силой. Больше века ею обладали предки Алисы, но как и откуда она к ним попала, уже никто не помнил. Конечно, если мамуля узнает об этом заимствовании, Алисе не поздоровится. Надо вернуть гемму в шкатулку до ее прихода…

Корделия бывала у Ванды много раз, однако не переставала восхищаться необыкновенным интерьером квартиры. Конечно, жить в таком странном пространстве она бы не смогла, но всегда с удовольствием погружалась в атмосферу колдовства. Полуподвальное помещение в доме на Сретенке дышало тайнами и волшебством. Самое место для проживания

потомственной ворожеи и целительницы. Правда, Малышкину пугала входная дверь, которая открывалась перед носом сама собой, причем иногда Корделии казалось, что дверь отличает своих от посторонних!

Вообще-то Корделия по большому счету побаивалась бабы Ванды и позволяла ей обращаться с собой так, как никому и никогда. Здесь властная дама сама становилась послушной овечкой и даже прощала Ванде сленговые словечки, которыми та не стеснялась злоупотреблять. А ведь в повседневной жизни и особенно на работе Корделия Малышкина не терпела отступлений от норм и правил литературного языка. Ее коллег в Останкине удар бы хватил, если бы они услышали, какие выражения использует баба Ванда в разговоре с Корделией.

– Заваливай, – улыбнулась баба Ванда.

– Здравствуйте, моя дорогая! – не сказала, а пропела гостья.

Ванда пропустила ее в прихожую и засеменила по длинному коридору. Дверь за ними захлопнулась сама. При каждом шаге ворожея как будто немножко подпрыгивала, и от этого создавалось впечатление, что она прихрамывает сразу на обе ноги.

– Ну, видела дракона на тарелочке? – спросила баба Ванда, поправляя съехавшие на кончик носа сверхъестественно большие синие очки. – Верь мне, тарелочка эта не простая, с огненной каемочкой! Ох, еще будет дело…

Проводив Корделию в гостиную со сводчатым потолком, баба Ванда зажгла свечу, поставила ее на большой круглый стол и принялась раскладывать на черной бархатной скатерти деревянные таблички с непонятными знаками, похожими на руны. Расклад был сложный и шел по спирали от центра. Руки бабы Ванды порхали над табличками с удивительной быстротой, они касалась их так нежно и легко, будто это были не деревяшки, а тончайший мейссенский фарфор. Наконец она замерла, закрыла глаза и прошептала:

– Элементаль земли, Элементаль воздуха, Элементаль дерева, я зову вас и жду… – Баба Ванда прислушалась к чему-то, потом удовлетворенно кивнула и продолжила: Элементаль огня, явись ко мне!

Свеча громко затрещала и начала выплевывать в разные стороны искорки, совсем как бенгальский огонь.

Корделия невольно отодвинулась подальше от стола, но продолжала смотреть на свечу во все глаза. Огонек ярко вспыхнул и погас.

– Не хотят они говорить! Может, у тебя голова не тем занята? – недовольно спросила целительница.

– Ой, я сама не знаю, что это со мной происходит! – Корделия крепко сжала напряженными пальцами виски. – Я столько сил кладу, чтобы этого тюленя продвинуть по службе, а он… – По щекам Корделии одна за другой побежали слезинки. – Удушила бы своими руками!

– Ну-ка возьми сейчас же свои слова назад! Учу тебя, учу,

а толку нет. Опять негатив гонишь. Вот погрозила ты сейчас ему, а слова твои семь лет будут возле него крутиться, к земле его гнуть, какое уж тут везенье! Делай так: сболтнула лишнего, сразу хорошего побольше наговори, чтобы уравновесить, значит, добро и зло. Поняла?

Корделия с готовностью закивала.

– Ну а раз поняла, почему молчишь?

– А что говорить? – недоуменно спросила Корделия.

– Вот народ! Честное слово! – Баба Ванда подскочила на стуле от негодования. – Положительное говори, овца ты отстойная!

– Ага, ага, сейчас… Ну он хороший… – Баба Ванда выразительно посмотрела на Корделию: мол, дальше давай, продолжай в том же духе. – Добрый… – Больше подходящих слов для мужа у нее не нашлось. – Все! Больше не могу!

Баба Ванда махнула на нее рукой, вытащила из-под стола большую фарфоровую миску с надколотым краем, а гостье велела принести из кухни полную пластиковую бутылку воды. Наполнив миску, она кивнула гостье:

– Смотри сюда. Чего видишь?

– Ой! – вскрикнула от удивления Корделия. – Нинку вижу Водорябову. Сидит, улыбается, морда довольная…

– Во-о-от, голуба! – сказала баба Ванда назидательным тоном. – Вот где опасность-то кроется! Или тебя подсидеть хочет, или мужа твоего увести.

– Что же это делается! – Корделия вскочила от избытка

чувств, стол пошатнулся, и из миски выплеснулось немного воды.

Скатерть зашипела, задымилась, на ней в одно мгновение образовалась внушительных размеров дыра.

– Ну вот, растяпа! – завопила баба Ванда. – На вас никакого реквизита не напасешься, блин!

Она проворно вскочила, поставила миску на пол, свернула скатерть и комком бросила ее в угол. Скатерть продолжала дымиться.

– Я куплю вам самую лучшую скатерть, простите меня, Вандочка! – запричитала виновато Корделия.

Баба Ванда застелила стол другой скатертью, на этот раз синего цвета.

– Сейчас гадать на нее будем, на эту Нинку, как ее по фамилии?

– Водорябова! – с готовностью подсказала Корделия…

Во время эфира Ниночка Водорябова улучила свободную минутку, заварила две чашки крепчайшего кофе и зашла в гримерку к Светочке. Светочка была, по общему мнению, в своем деле не просто профессионалом высочайшего класса, а настоящей волшебницей. Самую невзрачную и безнадежную физиономию она в два счета могла преобразить если не в обворожительную, то хотя бы в привлекательную.

Пару раз Светочка делала макияж Водорябовой, выгодно подчеркнув достоинства ее в общем-то самого заурядного

личика. Зато глаза у Нины были очень красивые, нефритово-зеленого цвета, а волосы просто роскошные, пушистые, светло-рыжие с золотистым отливом. «Ах ты рыжий одуванчик, – думала Света, – и зачем же ты свою красоту так коротко обрезаешь? Хотя бы до плеч дала им отрасти!».

Ниночка довольно часто угощала гримершу кофе и шоколадными конфетами, надеясь на небесполезное для себя продолжение дружбы.

– Вот, – улыбнулась она Свете, – кофейку тебе принесла…

– Как хорошо! Я так завертелась, устала, прямо ноги не ходят! – С благодарностью ухватила фарфоровый наперсток за ушко Светочка.

– Корделия наша сегодня совсем расходилась! – доверительным тоном сообщила подруге новость Ниночка. – Всем выволочку устроила и с шеф-редактором поцапаться успела. Все учит его по-русски правильно говорить.

– Не понимаю, почему ее терпят? Таких, как она, просто пруд пруди! Вот ты, например, чем хуже? Лучше только!

– Да она к колдунье бегает, вот и заворожила всех!

Несколько минут сплетницы самозабвенно перемывали косточки Корделии, удивительно, как та не начала икать прямо в кадре.

– А муж у нее очень симпатичный! – мечтательно возвела глаза к потолку Светочка. – Очень-очень!

– Мне он тоже нравится, – сдержанно заметила Водорябова.

Ей не хотелось хвастаться заранее, а то бы она объяснила Светику, что это теплое местечко под боком Малышкина недолго будет занято. Скоро слух пойдет по всему Останкину, как она, Ниночка, натянула нос самой Корделии и отбила у нее мужа. В том, что так оно и будет, Ниночка не сомневалась ни одной минуты.

Конечно, у Малышкина есть дочь, Алиса… Ну и что? Мало ли семей распадаются сами по себе? Дело житейское! Алису она обижать не собирается, не такой человек Нина Водорябова! И звездой телеэкрана она станет, обязательно станет. В конце концов, Корделия совсем не такая красавица, какой старается казаться…

– А как она одевается! – Гримерша всхлипнула от избытка чувств. – Не подумай, что я завидую, но ты представляешь, сколько стоит любое Кордельки но платьишко?

– Да, на наши-то денежки не расшикуешься, а в таких тряпках, как у Корделии, даже жаба красавицей покажется.

Ниночка представила себя в серебристо-черном платье с узким подолом, красивым овальным декольте, с жемчугами на шейке и обручальным кольцом на пальце.

– А дочка ее, ну Алиска, лахудра неформальная, одно слово. Шапочка на голове дурацкая, футболочка порезанная вся и юбка с носовой платок размером! Следила бы лучше за дочкой-то, королева… Высоко взлетела Корделия. Падать больно будет! Задушила бы ее собственными руками! – Водорябова с сожалением отставила в сторону пустую чашку.

Светочке очень нравился этот разговор. Она обожала сплетни, собирала их на каждом углу, даже подпитывалась ими. Чем больше лютовала Водорябова, тем радостнее становилось Светиково лицо. Тем более что Корделия и ей сегодня так насолила.

Глядя в искаженное гримасой ненависти лицо Водорябовой, Света почувствовала себя очень уютно и с удовольствием допила свой кофе. А потом, вручив Ниночке пустые чашки, выпроводила ее из гримерной под благовидным предлогом – время не ждет, работать надо…

К лавочке, на которой сидели Алиса с Юлей, едва передвигая ноги, подошел и тяжело опустился рядом прилично одетый старик, похожий на Дон Кихота, такой же высокий и тощий. Он ослабил узел галстука, одну руку прижал к сердцу, второй судорожно пытался нашарить что-то в кармане серого пиджака. Наверное, искал лекарство. Сразу стало понятно, что пенсионеру плохо. Алиса наклонилась к нему и участливо спросила:

– Дедушка, что с вами, вам нехорошо?

– Ох, сердце прихватило… – Старик скривился от боли.

– Может, «скорую» вызвать или такси? – Юля с готовностью достала из кармана мобильный.

– Да мне тут недалеко, – вздохнул старик. – Эх, таблетки дома забыл, валидол, сейчас бы как рукой сняло…

Алиса не на шутку встревожилась:

– Давайте мы вас проводим до дома, вдруг вам хуже станет, с сердцем шутки плохи!

– И правда. – Старик слабо улыбнулся. – Проводите меня, девочки! Нам совсем недалеко! Это вон там, высотка на площади Восстания! – Он махнул рукой в нужном направлении. – Добредем до остановки, а потом подъедем на чем-нибудь, ладно?

– Конечно! – почти в унисон сказали Юля с Алисой.

– И позвольте представиться: Вилен Стальевич Серебряков, доктор наук, профессор…

Карлос сразу понял, где находится, и у него перед глазами возник абзац старинной книги, которую он когда-то читал вместо того, чтобы готовиться к экзамену по магическому праву:

«Кокон Велиара, демона лжи, великого союзника Сатаны… По сути своей является Воронкой Времени, где оно течет назад, заставляя и своих узников двигаться в летах вспять до полного растворения в эфире. Кокон Велиара использовался в давние времена как средство омоложения, но в связи с особой трудностью извлечения человека из воронки средство сие было оставлено за полной его непредсказуемостью. Самостоятельно выбраться из Воронки Времени невозможно, попавший в оную человек обречен, зато выбравшийся из вышеупомянутой воронки живым приобретает почти абсолютную власть над демонами. В наши дни ко-

кон Велиара используется в качестве темпоральной ловушки для охраны объектов от проникновения в таковые посторонних сущностей».

Карлос схватился за голову – положение хуже терминаторского! Единственное, что он в состоянии был сделать, это разогнать тьму вокруг светом фонаря, укрепленного на шлеме. Он поводил голубым лучом из стороны в сторону. Под ногами у него клубился туман, но не обычный, а угольно-черный, его клочья время от времени отрывались от пола, поднимались по кругу наверх, туда, где скрывалась во тьме узкая часть воронки. Воздух был сырой и затхлый, пахло склепом. Опасность ощущалась даже физически – так сильно билось сердце, слезились глаза и трудно было вдохнуть полной грудью.

Внешняя сторона воронки выглядела как прозрачная стена, переливалась и сверкала в луче фонаря радужными разводами, словно мыльный пузырь. Но дотрагиваться до нее было нельзя – это означало мгновенную смерть. Там и сям в обманчиво-тонкой оболочке виднелись останки мелкой нечисти: некробов, мортпаззлов, которые обладали способностью объединяться между собой, образуя своими тельцами самые разнообразные сочетания. Самыми противными Карлосу показались мертверы – мелкие вампиры, похожие на полуразложившихся крупных черных котов. Кроме того, что выглядели и пахли просто отвратительно, они были очень и очень опасны! После укуса мертвера любое жи-

вое существо начинало постепенно превращаться в такую же мерзкую тварь.

Нечисть медленно двигалась по кругу диаметром метров в тридцать, но, увидев Карлоса, некоторые существа стали притормаживать и группироваться вокруг вновь прибывшего. Вперед вышел йеруб, существо, в обычных условиях похожее на живьем засушенного пигмея с провалившимися внутрь черепа глазами. Из темени у него торчал длинный клок оранжевых волос, делавший его похожим на панка-запорожца. Этот экземпляр выглядел гораздо свежее своих собратьев, видно, уже давно крутился в этой воронке, но по манерам ничем от них не отличался. Йерубы были хорошо известны в магическом мире своим хамством и склонностью к хулиганским действиям.

– Вы только гляньте, какой красавец к нам пожаловал! Никак сам Антонио Бандерас? – произнес голосом удавленника йеруб, оглядываясь на отвратительно хихикающую нечисть. – Нет, что я говорю, это случайное сходство! Перед нами их магическая светлость дон Карлос Педро Мигель де ля Карпио Энао де ля Барреда и Рианьо… Камрады, кто на свежатинку? У аристократов мясо ништяк, лучше астральной баранины.

Карлос почувствовал затылком опасность и оглянулся. Сзади к нему подкрадывались двое мертверов, они уже изготовились к прыжку. За ними под прикрытием черного тумана сосредоточились питающиеся грешными душами некро-

бы, он видел их широко раскрытые хищные клювы. Мортпаззлы соединились в гигантского крокодила, и он тоже медленно приближался к нему.

Карлос легко мог их уничтожить с помощью магии – одним движением руки, но вместо этого взмыл во тьму к верхушке воронки, и вовремя – в сантиметре от его ноги щелкнули зубы мертверов.

– Эй, компаньерос, – крикнул им сверху из темноты невидимый Карлос, – вы совершаете нападение на представителя Группы магического антитеррора! Приказываю вам остановиться!

– Ага, ага, – закивал йеруб, – прям счас! Плевать нам на твою группу, понял? Мы здесь сами себе группа. Давай спускайся, и поговорим, как мачо с мачо!

Остальные хулиганы его с удовольствием поддержали и с криками «дай ему в пентакль» начали подбрасывать своего вожака в воздух с таким расчетом, чтобы он мог достать противника ногой или рукой.

«Кажется, здесь без насилия не обойтись, – решил Карлос. – Нужно показать этим отщепенцам, кто здесь хозяин».

Карлос без лишней спешки вынул из нагрудного контейнера небольшую трубку, похожую на рукоять меча, – дезинтегратор нечисти. По правилам этот прибор можно было применять только в исключительных случаях. Но другого выхода нет. Глупо погибать от укуса проклятых мертверов, когда он еще ни на шаг не приблизился к своей цели!

Он крепко сжал рукоять пальцами, и в руке у него возник дымящийся шипящий луч, осветивший все вокруг мертвенно-белым светом. Оставалось только направить луч вниз на йеруба и… мир его праху.

Однако в последний момент Карлос удержал руку. Надо бы разложить на атомы мерзавца, да гуманитарная магия не позволяет! Его задача не уничтожение темных сущностей, а преобразование их в светлые. Меч погас, зато в ладони Карлоса зашипела маленькая шаровая молния желтого цвета. Короткий взмах руки – и на месте оранжеволосого мерзавца возникло светящееся солнечное существо, похожее на ангелоподобного мальчика в белой маечке с коротким рукавом и голубеньких штанишках на помочах. В руках он держал эмалированный ночной горшок. Карлос медленно опустился на черное облако рядом с ним.

В ту же секунду вся нечисть, перепуганная до смерти перспективой превращения в светлые сущности, отпрянула от мальчика в разные стороны. Сначала с диким мявом рассредоточились мертверы, за ними последовали йерубы. Один из них кульбитом, давя на своем пути мелкую нечисть, прокатился по некробу и отфутболил его к стенке Воронки. Некроб влип в тонкую оболочку, и еще несколько секунд был слышен его тоскливый вой, потом все стихло. Некроб развалился на части, продолжавшие некоторое время трепыхаться в прозрачной стене. Зато в коконе теперь появился свой источник света – тот самый мальчик с горшочком.

– Кто еще хочет свежатинки? – раздался в полумраке спокойный голос Карлоса. – Давайте так: я не трогаю вас, а вы меня. Кто против? Кто воздержался? Таковых не имеется? Вот и чудненько, будем считать, что мы друг друга поняли.

Мертверы, некробы и мортпаззлы как по команде отвернулись от Карлоса. Вокруг него и ангелочка образовалось свободное пространство, нарушать которое никто не решался. Йерубы с отсутствующим видом принялись рассматривать что-то наверху воронки, узкий конец которой терялся над головой во тьме подземелья.

Вестибюль высотки на площади Восстания подавлял своими размерами и гулкой тишиной. Когда профессор, с трудом открыв перед девочками тяжелую дубовую дверь, галантно пропустил их вперед, у Алисы и Юли захватило дух от величественной картины. Внутри здание напоминало дворец – высоченные потолки, колонны, множество архитектурных излишеств…

Над раздвижными створками лифтов – яркие витражи. Правда, лифт оказался самым простецким, видно, сталинские подъемники не сохранились.

Когда девочки вошли в квартиру профессора, обе тихонько ахнули от удивления. Нет, правда, такого необычного жилища они никогда не видели. В этом доме стоял запах библиотеки, музейной старины и физической лаборатории. Во-первых, везде лежали стопками книги– на открытых метал-

лических стеллажах, на самодельных полках, на полу, под столом, на широких подоконниках высоких окон. О набитых фолиантами старинных книжных шкафах можно было бы и не упоминать. Во-вторых, все оставшееся от книг пространство было заставлено самой разнообразной аппаратурой – от потрепанных осциллографов и цифровых вольтметров до супернавороченных компьютеров самого современного дизайна.

В одном углу огромного кабинета вытянулся во весь рост рыцарь в латах и пернатом шлеме с опущенным забралом. Его серые железные доспехи были отполированы до зеркального блеска. Руки в стальных перчатках покоились на рукояти обнаженного меча, острый конец которого упирался в постамент меж вытянутых по готической моде острых мысков железных сапог.

А в противоположном углу застыл скелет огромной обезьяны, орангутанга, как объяснил девочкам Серебряков. Но что самое смешное и удивительное, на плечи скелета была накинута черная профессорская мантия, а череп украшала набекрень надетая академическая шапка-четырехуголка с кисточкой. За скелетом располагалось большое, в полный рост, зеркало, которое удачно подчеркивало размеры этого великолепного представителя обезьяньего племени.

Алиса и Юля, разинув рты от удивления, под руководством профессора продолжали знакомиться с достопримечательностями этого домашнего музея.

Особенно бросался в глаза висевший между окнами портрет грозного видом старика в завитом белом парике, длинные локоны которого доставали ему до плеч. Он был изображен в полный рост, а одет был по европейской моде начала восемнадцатого века. Судя по шитому серебром голубому камзолу, кружевному воротнику и манжетам, инкрустированной трости и бриллиантовым пряжкам на тупоносых красных башмаках, старик был и знатен, и богат. За ним на длинном столе громоздились книги с позолоченными корешками, в точности, как в шкафах у Серебрякова, а еще стояли какие-то спиртовки, колбы и реторты самых разнообразных формы.

Больше всего поражали глаза старика. Казалось, они заглядывают в самую душу попавшего в поле зрения человека. С одной стороны, очень неприятные глаза, с другой, – наоборот, глубокие, умные, притягательные. В ногах у этого удивительного человека сидел черный скотчтерьер. Он с обожанием заглядывал в лицо хозяину. Вся поза собачки вместе с выражением симпатичной мордочки говорила: «Я за тебя жизнь отдам!»

Профессор заметил, что девочки застыли перед портретом как зачарованные. Он запил водой из стакана таблетку и подошел к ним.

– О, вот уж действительно великий человек! – подняв к потолку палец, сказал Серебряков, – Яков Вилимович Брюс! Знаете, кто он такой? – и вопросительно посмотрел на Юлю.

Та, явно смущенная своей отсталостью, отрицательно покачала головой.

– А ты? – спросил профессор у Алисы.

– Я что-то слышала… Кажется, он был любимцем Петра Первого? И еще он первый кавалер самого главного ордена Российской империи – Андрея Первозванного.

– Да, да, Брюс действительно орел гнезда Петрова! – Обрадовался Серебряков. – Но, заметьте, это был не просто придворный шаркун, а великий ученый! Он чернокнижник был в полном смысле этого слова! Чернокнижник и колдун! О-о-о! Это такая фигура, знаете ли… Не менее таинственная, чем Нострадамус. И шотландец до мозга костей, хотя и жил в России. Так-то! По звездам с неимоверной точностью предсказывал судьбу, удачи и неудачи, ставил на ноги безнадежно больных, чуть ли не из могилы поднимал, и говорят… – тут голос профессора дрогнул от волнения, – что он создал эликсир Вечной Молодости, проще говоря, живую воду!

– Ого! – восхитилась Алиса, а Юля бросила на портрет полный пиетета и уважения взгляд.

– Это далеко не все его таланты, уверяю вас! Ведь он родственник шотландских королей, его предки бежали из Англии от преследований со стороны Кромвеля. Вот так-то, сударыни мои. И был Брюс инженер, математик и астроном, знахарь и топограф, и военный, и дипломат…

Серебряков подошел к портрету и жестом гида показал на

Брюса. Граф стоял, повернувшись в три четверти к зрителю, выставив далеко вперед сухую старческую руку с тростью.

– Вот, обратите внимание, девочки… Видите, здесь в набалдашнике углубление имеется? Никак не могу понять его назначение. Зачем это нужно? Как вы думаете, что это значит?

– Ну если есть углубление, то его, по идее, надо чем-нибудь заполнить, – сказала задумчиво Алиса.

– Я совершенно того же мнения, – воскликнул профессор. – Гениально сформулировано! Вопрос поставлен правильно – чем его заполнить?

Алиса немного смутилась, потому что, по ее мнению, сказала банальность, а дальше что? Она бросила растерянный взгляд на подругу, но та только развела руками.

– Эта трость, девочки, – продолжал Серебряков, – отнюдь не обыкновенная палка с красивой резьбой по дереву и инкрустацией серебром и золотом. Это мощный магический артефакт, по сути волшебный жезл. Кстати, ты меня натолкнула на хорошую идею, Алиса, надо бы ее обдумать на досуге… Вполне возможно, что жезл как магическое устройство состоит не из одной детали. Ну-с, не пора ли закончить нашу экскурсию и приступить к более серьезному занятию?

Профессор весело улыбнулся и пригласил девочек на кухню – пить чай с пряниками.

Владимир Малышкин раскинулся в кресле начальника информационно-аналитического отдела. В огромном каби-

нете, скупо обставленном эргономичной современной мебелью скучного серого цвета, он был не один. Ведь рядом сидела подвижная, как птичка, и такая же хрупкая Нина Водорябова. Она каким-то непостижимым образом ориентировалась в нагромождении бумаг на столе, одновременно кликала на клавиатуре и говорила по телефону. А Владимиру было просто дурно от усталости. Кресло было мягкое и такое удобное, что его стало клонить в сон. А позволить себе уснуть он не мог, так как это было бы проявлением невоспитанности. Но у Малышкина продолжали слипаться глаза, и это не ушло от Ниночкиного внимания.

– Хочешь кофейку? – ласково спросила она, улыбнувшись, как Чеширский Кот.

– Ой, пожалуйста, если можно… Что-то я совсем засыпаю.

– Сейчас, сейчас, – прочирикала Водорябова и щелкнула кнопочкой на чайнике, стоявшем на приставном столике.

Как же хронически не везло в жизни Ниночке Водорябовой! Она сама себя называла «один шаг до счастья». Еще в школе золотая медаль досталась не ей, хотя все учителя прочили в медалистки именно ее. Если она вместе со страшненькой подружкой знакомилась с интересным парнем, то подружка шла под венец, а она, Ниночка, в лучшем случае выступала как свидетельница, хотя сначала, как правило, интересовались именно ею. И так далее и тому подобное…

На работе ей часто приходилось вкалывать за других, и

лавры опять-таки доставались не ей. Вот и сейчас Ниночка по идее должна быть на месте Корделии Малышкиной, но опять не судьба! А в личной жизни – провал за провалом. Хорошо, что старушка-соседка надоумила ее обратиться за помощью к знающему человеку! Сейчас, сейчас… Уж хотя бы муж Малышкиной ей достанется! Как он живет с этой Корделией? Сразу видно, что она пилит его не переставая и совсем не ценит. А он, между прочим, такой милон! Похож чем-то на актера Александра Стриженова-младшего, такой же полненький и симпатичный.

Воровато обернувшись на Владимира, Нина незаметно насыпала в кофе какой-то зеленый порошок и старательно размешала ложечкой. А затем с кокетливой улыбкой подала Малышкину чашку, из которой он принялся с энтузиазмом прихлебывать.

– Волшебный кофе! – удивленно сказал Владимир. – Как называется?

– Ой, что ты, Владимир Владимирович! – смущенно хихикнула Ниночка Водорябова. – Обычный «Нескафе»!

– Не может быть! – поразился Малышкин. – Никогда бы не сказал! – Он внимательно посмотрел на Нину. – Слушай! А ты отлично выглядишь сегодня! Прямо красавица.

«Началось! – подумала Нина. – Вот оно, торжество справедливости».

Она с готовностью расплылась в улыбке:

– Ты мне тоже нравишься! – сказала она, подсаживаясь

поближе.

Малышкин смутился и даже немножко покраснел. Ниночка Водорябова давно оказывала ему знаки внимания, и хотя фамильярность не считалась дурным тоном в отношениях работающих на телестудии людей, Владимир старался себя вести нейтрально со всеми, особенно с женщинами. Корделия неимоверно ревнива и сразу удалит отсюда любую соперницу, используя свой статус звезды, а Малышкину не хотелось, чтобы кто-нибудь из-за него лишился работы. Но сегодня ему почему-то было особенно приятно находиться рядом с Ниной, и он был не прочь не только поболтать с ней, но даже пофлиртовать. Почему он не замечал раньше, насколько это умная и красивая девушка?

В голове мелькнула крамольная мысль о служебном романчике, но Владимир постарался загнать ее подальше, на самый край сознания. Не в его правилах было заводить романы на стороне.

Чаепитие у профессора Серебрякова приближалось по сложности к китайской чайной церемонии. Прямо ритуал какой-то! Алиса с Юлей уже второй час сидели за круглым столом на огромной кухне. По сравнению с кабинетом кухня выглядела пустоватой и была тщательно прибрана. Мебель была старой, потемневшей от времени и очень массивной. Такие темного дуба резные стулья и буфеты девочки видели только в музее на Волхонке. И чайник, и чашки тоже были

старинные и очень красивые, темно-синие с почти стершейся золотой полосой по краю. Алиса громко восхитилась тончайшим фарфором, и профессор довольно улыбнулся.

– Люблю все старое, – добродушно закивал он седой головой, – хотя старость – сомнительное преимущество. Смотрю я на вас, девочки, и глаз радуется! Вы такие разные, одна беленькая, другая черненькая, а вот похожи, большеглазые такие – сразу видно, что подружки. Это вы специально так одеваетесь, одна в красном, а другая в голубом?

– Да нет здесь никакой зависимости, – пояснила Юля, одергивая короткую голубую майку, – просто это наши любимые цвета, и мы… – Договорить она не успела, потому что ее перебила Алиса:

– Извините, Вилен Стальевич, а в какой области вы профессор?

– Какие тут могут быть секреты! – воскликнул Серебряков, соскучившийся по благодарным слушателям, и подвел девочек к висевшим на стене в гостиной в застекленных рамках дипломам и грамотам. – Вот видите, этот патент я получил за разработку устройства для перемещения предметов в пространстве. Это высшее мое достижение за всю мою карьеру, хотя, может быть, не все с этим согласятся. А вот этот кубок, – он показал на позолоченный сосуд в виде чаши с двумя витыми ручками по бокам, стоявший на отдельном столике, – этот кубок я получил на первенстве МГУ по шахматам…

Он отрекомендовался бывшим ученым, геофизиком по профессии и изобретателем по призванию. А затем с необыкновенной грустью перечислил свои многочисленные ученые степени, звания и премии. Его научная карьера с самого начала развивалась вполне благополучно, но с недавних пор ему стало тесно в рамках официальной науки. Профессора так влекло к себе все непознанное и необъяснимое, что он волей-неволей сошел со столбовой дороги науки на ее обочину.

Сначала Серебряков заинтересовался давно отброшенной в сторону теорией флогистона, а затем и вовсе перешел на позиции квантовой магии, или магии света, первым вступив в эту область неизведанного. Он разработал новую теорию, с позиций которой совершенно оригинальным способом объяснял сущность флогистона, энергетического начала, необходимого для путешествий в пространстве и времени. И этим поставил себя вне закона. Бывшие коллеги, не стесняясь его присутствием, выразительно крутили пальцем у виска, а потом и вовсе ополчились на него. В конце концов Серебряков забросил геофизику и отдалился от прежних знакомых, а те стали относиться к нему как к чудаку и ересиарху. Зато теперь уже ничто не мешало профессору предаваться своей страсти и дышать архивной пылью.

– И знаете, девочки, кто был самым крупным специалистом по флогистону? – Серебряков с лукавой улыбкой перевел взгляд на портрет Брюса, висевший на противоположной

стене.

– Вот этот страшный старик? – хором спросили Алиса и Юля.

– Умницы! – восхитился Серебряков их сообразительностью. – Яков Брюс! Абсолютно точно. Ему удалось доказать, что этот самый флогистон, предмет его изысканий, входит в состав живой воды, которая была известна еще древним славянам. Они ее использовали для оживления павших на поле брани витязей. Брюс, между прочим, был уверен, что восстанет из мертвых. И у него были для этого весьма веские основания! Он ведь составил свой гороскоп, из которого это следовало с полной необратимостью. Только случайность помешала ему ожить после смерти. Теперь у меня есть заветная мечта– помочь ему воскреснуть! Но я не могу найти толкового астролога, чтобы воссоздать его гороскоп. Сколько ни пробовал, сколько ни пытался, везде одни шарлатаны. А мне нужно знать время воскрешения день в день, час в час и секунда в секунду… Да-с, вот так-то, государыни мои! – Профессор со скорбной миной уставился на брабантские манжеты, выступающие из-под завернутых обшлагов зеленого камзола Брюса, как будто в их сложном узоре надеялся прочитать адрес нужного ему специалиста.

– Я думаю, что смогу решить вашу проблему, профессор. – Алиса положила руку ему на запястье. – Серьезно. Моя мама пользуется услугами одной очень сильной ворожеи, она и в астрологии большой мастер. Во всяком случае,

мама и шагу не ступит без ее совета, и все-все сбывается, что она ни предскажет, честное слово! Ее зовут баба Ванда, может, вы слышали?

– Признаться, нет, но я готов попробовать, а вдруг будет толк? Хорошо, давай ее координаты.

– У меня их при себе нет, но я точно знаю, что она дает объявления в Интернете.

– Сейчас найдем, – уверенно заявила Юля. – Вилен Стальевич, можно с вашего компа попробовать?

Обрадованный профессор жестом пригласил ее к своему компьютеру.

– Да, Юлька найдет все что угодно, – убежденно сказала Алиса. – Она у нас настоящий хакер.

– Только не мешайте, – попросила Юля и как пианистка опустила пальцы на клавиатуру.

Через пару минут они уже читали великолепно оформленный сайт бабы Ванды:

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

И ПОТОМСТВЕННАЯ ЯСНОВИДЯЩАЯ

БАБА ВАНДА

Мощная магия. Любовное зелье,

Привороты. Помогу выйти замуж.

Сниму сглаз, порчу, наговор.

Помогу в карьере, привлеку деньги, удачу.

Составлю любой гороскоп. Вуду,

шаманство, славянская и западная магия.

– Вот она, баба Ванда, – довольно улыбнулась Юля, – пожалуйста, тут вам и телефон, и адрес. Сретенка – это ведь совсем рядом!

– А я прямо сейчас и позвоню… – сказал профессор и решительно направился к телефону…

Баба Ванда жила в старинном купеческом особняке. Это было солидное трехэтажное здание, построенное в древнерусском стиле, модном в середине девятнадцатого века.

Вы замечали, что, когда идешь по древним улицам, независимо от того, как они выглядят сейчас, в наше время, во рту появляется приятный привкус сдобы и корицы? Чем ближе компания подходила к дому Ванды, тем сильнее ощущался аромат прошлого. Наконец они остановились у старинного приземистого особнячка. Здание как здание. В три этажа.

– Нам вниз, – сказала Алиса, – мама говорила, что баба Ванда живет в полуподвале.

Они спустились по выщербленным ступеням к металлической двери. По дороге Серебряков задержался возле стены и потрогал ее рукой – кусок штукатурки отвалился, открыв аккуратную кладку с белой известкой между большими темно-красными кирпичами.

– Да, – сказал он, – я так и думал!

В ответ на вопросительные взгляды девочек профессор объяснил, что фундамент дома заложен был в начале восемнадцатого века, в царствование Петра Первого, а уж потом,

во второй половине девятнадцатого, на нем возвели купеческий особняк.

– Как вы узнали? – удивилась Юля.

– Деточка, ведь это можно легко определить по кладке! – пояснил профессор с добродушным видом. – Это как визитная карточка, все предельно ясно!

Девочки посмотрели на профессора уважительно, потому что не видели в этих старых кирпичах абсолютно ничего примечательного.

Алиса поднесла руку к звонку, но нажать на кнопку не успела – дверь распахнулась сама собой, и на пороге возникла знаменитая целительница. Она словно задалась целью удивить гостей своим сногсшибательным видом. На ней была какая-то бесформенная хламида вишневого цвета, на голове был повязан прошитый золотой нитью темно-красный платок, его узелок образовывал надо лбом рожки. На носу у ворожеи примостились огромные синие очки, на ногах красовались розовые персидские туфли с загнутыми носами, размеров на пять больше необходимого.

– Заходите, – коротко скомандовала баба Ванда.

– Э-э-э, здравствуйте, мадам… Ванда. Мы звонили вам вот по какому вопросу… – Серебряков с достоинством откашлялся, но продолжить вступление ему не удалось.

– Ах, профессор, мы не в Академии наук, здесь ничего объяснять не нужно, – довольно ехидно заявила баба Ванда и жестом пригласила гостей за собой.

Дверь за ними захлопнулась сама собой, ключ повернулся без чьего бы то ни было участия. Профессор и девочки прошли по длинному коридору со сводчатым потолком, стараясь не отстать от хозяйки, и оказались в ее гостиной. Ох, как же тут было интересно! На дощатом полу распласталася огромный пестрый персидский ковер. Вдоль стен застыли потемневшие от времени пузатые комоды и шкафы, на старинных дубовых лавках, словно позаимствованных из боярского терема, стояли фарфоровые ступки, медные тазы и ведра. Над ними висели пучки трав, черного дерева африканские маски, масайские щиты и шаманский бубен с костяной колотушкой. На дубовых резных полках меж статуэток и подсвечников навалом лежали пучки перьев и свеч, с края нефритовой чаши свешивались гранатовые четки.

Посреди комнаты на старинном круглом столе стоял большой стеклянный шар, наполненный перламутрово-розовым дымом, по обе стороны от него застыли два тоже очень старинных кубка из серебра. Из этого магического интерьера выбивались всего две вещи: огромный жидкокристаллический монитор компьютера на угловом столе и ударная установка с никелированными барабанами разной величины у противоположной стены.

– Установочка суперпупер, – одобрила инструмент Юля, тихонько постучав по туго натянутой коже: бочонок отозвался низким гулом. – А почему не хватает одного барабана?

– Доконали его, барабан этот, крутые пацаны, которые к

моему племяннику приходят. – Неожиданно тепло улыбнулась баба Ванда и пояснила: – Они здесь музыкальный тусняк устраивают. Грохот стоит такой, что соседи сверху к участковому бегают жаловаться. Вот и пробили дыру в инструменте. Пришлось выбросить.

Алиса вдруг заметила на окованном железом сундуке у стены куклу в ярком платье из лоскутков. Она подошла к ней, чтобы взять в руки и рассмотреть поближе, но не успела.

– Назад! – крикнула ей баба Ванда. – Не прикасайся!

Алиса в испуге отпрянула, и только после этого заметила, что кукла была сплошь утыкана иголками.

– Извините… – Алисе стало стыдно за свою невоспитанность.

– Скажи спасибо, что цела осталась, было б тебе сейчас «извините». Ничего не трогайте здесь руками! – с гневом сказала хозяйка дома.

Юля на всякий случай спряталась за профессора, а Алиса с отсутствующим видом принялась рассматривать синий сводчатый потолок, расписанный серебряными звездами и знаками зодиака.

Ванда, видимо, решила, что переборщила с запретами, и уже более благожелательным тоном предложила гостям садиться. Все устроились вокруг большого, как футбольное поле, стола на таких же древних стульях, как у профессора Серебрякова.

– Значит, Брюсов гороскопчик заказываем, правильно я

въехала? – уточнила на всякий случай баба Ванда и очень торжественно заявила: – Для меня Брюс не левак какой-нибудь, я им давно интересуюсь. Знаете, как он откинулся? Сам виноват. Чтобы стать бессмертным, Брюс велел своему слуге и ассистенту Фрицу Блюменталю себя убить, а потом разрубить тело на части, расчлененку в гроб свинцовый положить. Блюменталь по ритуалу должен был с помощью мертвой воды восстановить целостность тела, а потом оживить его с помощью живой воды. Но что-то помешало Фрицу завершить этот опыт. Полить тело живой водой и вернуть его к жизни он побоялся или не решился. Поэтому Брюс и не ожил сразу после смерти, как намеревался. – Она помолчала, внимательно рассматривая гостей. – Так зачем вам Брюсов гороскоп понадобился?

Ванда сняла свои синие очки, и сразу стало понятно, что она вовсе не так стара, как хотела показать, и что она просто прячется за этими синими стеклами, разыгрывая из себя бабусю, а на самом деле довольно молода и даже красива! Целительница окинула изучающим взглядом девочек, пренебрежительно улыбнулась и вопросительно посмотрела на профессора.

Серебряков пояснил, что, по его мнению, эксперимент Брюса все еще не завершен. Если удастся отыскать его останки, то физическое восстановление тела – дело вполне реальное. Беда в том, что в двадцатые годы прошлого века при благоустройстве Бауманского района Москвы был уничто-

жен Единоверческий монастырь с кладбищем, на котором Брюс был похоронен. Комсомольцы могилу его разорили. Хорошо хоть, что части скелета, череп, зеленый камзол и треуголка попали в хранилища МГУ.

– Я думаю, их можно найти и произвести реанимацию, а вернее инкарнацию[1] Брюса, – завершил свой рассказ профессор. – Вот только как быть с асцедентом, временем рождения? Это для оживления нужно знать обязательно, а мне таких данных найти не удалось. Без этого вся затея гроша ломаного не стоит. Поэтому только на вас надежда осталась, баба Ванда. Мне нужен не обычный гороскоп, а с точной датой воскрешения! Секунда в секунду. Поможете?

Баба Ванда задумалась, а может, просто сделала вид, что думает. Потом подняла глаза к потолку, как будто в нарисованных на своде созвездиях можно было найти ответ на этот непростой вопрос.

– Если ему, голубчику, суждено воскреснуть, надо, конечно, помочь, – довольно охотно согласилась ворожея. – Только дело это не суетное, не минутное, нужно горы книг перевернуть, по архивным сусекам поскрести, а потом обработать данные на компе. Дайте мне на все про все дня два-три, лады?

– Лады, – неожиданно для себя в тон ей ответил профессор, хотя такие обороты речи ему были совсем несвойственны.

---

[1] **Инкарнация** (*лат.*) – воплощение.

«Понимает ли баба Ванда, как важен для меня этот гороскоп?» – подумал Серебряков.

Он и сам пытался, обложившись толстыми томами астрономических таблиц, кипами звездных карт и астрологических домов, вычислить необходимую дату, но нет, ничего не получилось, и профессор уверился, что для этого мало иметь знания. Нужен особый дар, талант к астрологии, чтобы правильно интерпретировать несложные вроде бы сочетания цифр и знаков зодиака. Он с невольным уважением посмотрел на ворожею.

– Тогда жду вас послезавтра. – Баба Ванда встала из-за стола и вежливо улыбнулась, всем видом давая понять, что аудиенция закончена.

Как воспитанный человек, Серебряков не стал затягивать прощание, тем более что хозяйка уже переступала с ноги на ногу от нетерпения. Гости под ее присмотром направились в прихожую.

Алисе очень не хотелось уходить – наконец-то она увидела таинственную колдунью, с которой постоянно общается мама. Она ничего, даже симпатичная, эта баба Ванда, но видно, что себе на уме. Подталкиваемая профессором, Алиса попрощалась с целительницей и за руку с Юлькой вышла из странной квартиры…

Как только за профессором и девочками закрылась дверь, баба Ванда рысцой вернулась в кабинет и подскочила к сек-

ретеру. Открыв его, она достала тоненький, узкий кинжал с золотой ручкой, вставила лезвие в неприметное отверстие и нажала потайную пружину. Кусочек задней стенки секретера плавно, с тихим шорохом отъехал в сторону и открыл маленький тайник. Баба Ванда сунула в него руку и вынула большой медальон с замысловатым вензелем на крышке.

Подышав на золотую поверхность, она нажала на крошечный выступ. С легким щелчком медальон раскрылся, словно ракушка. Внутри лежала прядь темно-рыжих волос, а с одной из створок на целительницу смотрел Яков Вилимович Брюс собственной персоной. Коричневато-желтая миниатюра на фарфоре был написана рукой великого мастера. Брюс был как живой: глаза у него сверкали словно две черные искры. Казалось, что он был чем-то недоволен.

– Скоро придет твое время, – торжественно произнесла баба Ванда, и ей показалось, что Брюс слегка подмигнул, а потом кивнул.

Ох, давно уже она искала человека, которому суждено воскресить великого Брюса! И этот человек пришел к ней сегодня сам… Захлопнув медальон, она благоговейно стерла с него ладонью несуществующие пылинки, сняла очки и приблизила к глазам нижнюю его крышку. На ней были выгравированы три даты – рождения, смерти и восстания из мертвых великого чернокнижника. А вот секунды! Как их определить, вот в чем вопрос!

Корделия лежала на диване в гостиной своей квартиры в доме на Разгуляе, обвязав голову полотенцем. Она частенько страдала головными болями, хотя баба Ванда утверждала, что это не более чем игра воображения.

В комнату, ступая на кончиках пальцев, осторожно вошел Малышкин. До сих пор он прятался на кухне, чтобы не вызывать без крайней необходимости огонь на себя. Но так как Корделия довольно долго не подавала признаков жизни в виде шипения и ругательств, он начал беспокоиться и решил сходить на разведку.

– Может, хочешь чего-нибудь, Корочка? – ласково спросил он.

Корделия подскочила на месте:

– Разумеется, я хочу! Я хочу, чтобы мой муж наконец перестал валять ваньку и начал достойно зарабатывать мне на жизнь! Я хочу быстрее вырваться из этого проклятого Лефортова, понимаешь? Мне по статусу положено жить в приличном доме, в высотке на площади Восстания, например! Сколько можно существовать в этих нищенских условиях? – Корделия захлебнулась злыми слезами.

– Ну Корочка, не плачь, не надо, будет голова болеть, а вечером эфир… Ну не плачь… Мы же машину продали, чтобы заплатить первый взнос, ты же знаешь…

– А у меня уже болит голова! Неужели не видишь, что я обвязала ее полотенцем? Ты черствый, бездушный человек! Я больше не могу! Мы должны, слышишь, должны переехать

до осени, чтобы Алиска спокойно пошла в новую школу! Ты хоть что-нибудь собираешься делать?

– У нас все складывается замечательно, и ты об этом знаешь. Мы успеем переехать, успеем. Не беспокойся!

Корделия стянула с головы полотенце и картинно швырнула его на пол.

– Не говори со мной, как с психбольной! – выкрикнула она с интонацией плохого трагика.

В этот момент домой вернулась Алиса. Она услышала крики Корделии еще на лестничной клетке и поняла, что сейчас попадет маме под горячую руку. Надо же так некстати явиться! Но ей хотелось еще немного погулять, и лучше заранее получить на это разрешение.

– Всем привет! – не к месту улыбаясь, вошла в комнату Алиса.

Родители одновременно повернулись к ней. Обрадованный Малышкин широко улыбнулся:

– Привет, ребенок! Как дела?

– Да какие у нее могут быть дела? – взвилась Корделия. – Одно безделье! А ты позволяешь ей шляться допоздна!

– Мам, пап, меня внизу Юлька ждет, я посижу с ней внизу полчасика, хорошо?

– Хорошо, Алиска, – кивнул ей папа. – Только как Юлька потом домой пойдет? Поздно уже… – Малышкин улыбнулся Алисе такими же серыми, как у дочери, глазами.

– С ума сойти! – взвизгнула Корделия. – Ты отец или кто?

Ты посмотри на нее! Юбка то ли есть, то ли нет, губы накрасила, а учиться как следует ума не хватает! Школу музыкальную бросила? Бросила! На английский ходить не хочет? Не хочет! А какую музыку слушает? Этого анархиста Швырова! Это ж с ума сойти! И ты ей потакаешь! Она у нас теперь мушкетер! Вернее, мушкетериха! Это Юлька ее подбила на фехтование записаться! Разве это занятие для девушки? А, я вас спрашиваю? Другой бы отец так ремнем отходил, чтобы неделю сесть не могла!

Когда Корделия заводилась, даже у асфальтового катка не было шансов ее остановить. Чтобы не сорваться, Алиса начала считать про себя пушистых овечек, стараясь дышать глубоко и ровно.

– Вот, полюбуйся на нее! – продолжала вопить Корделия. – О чем она сейчас думает? А? О фехтовании? Алиса, отвечай, когда с тобой разговаривают!

– Да ладно тебе, мам, – как можно спокойнее сказала Алиса, – фехтование-то тут при чем?

Ее слова подействовали на Корделию как укол иглой, она даже подпрыгнула на месте.

– Ты еще и хамишь! – Корделия преодолела расстояние до Алисы за долю секунды и неожиданно для себя влепила ей звонкую пощечину.

Алиса задохнулась от гнева и обиды. Не разбирая дороги, она выскочила из квартиры, громко хлопнув дверью. Вслед ей неслись вопли Корделии.

Пробежав пару пролетов вниз по лестнице, Алиса уселась прямо на ступеньку, закрыла лицо руками и горько заплакала. Ну почему ей так не везет? Почему у друзей ее и одноклассников нормальные мамы, которые их так любят, пекут пирожки, провожают в школу, прощают шалости и ошибки? И главное, работают, как все люди: по восемь часов в день, а не эфирят сутки напролет в этом проклятом Останкине. И название-то какое мертвецкое – Останкино. Кто его только выдумал?

Глава 2

Баба Ванда решила сделать перерыв: вот уже третий час подряд она сидела за монитором, пытаясь решить невыполнимую задачу – узнать точное время рождения Брюса. Чтобы сменить вид работы, она щелкнула мышкой по иконке телекарты и включила новостной канал TV Ведомости. На экране возникло немыслимо красивое лицо Корделии. Перед волшебным оком телекамер она превращалась то ли в английскую королеву, то ли в повзрослевшую выпускницу института благородных девиц.

Баба Ванда подумала, что недаром Корделию так обожают зрители: в ней есть что-то дьявольски обольстительное. Недаром она столько раз перехватывала у коллег-журналистов всевозможные призы и награды в области неигрового кино и телевидения. Ведь она была само обаяние.

– При строительстве подземного перехода под Сухаревской площадью… – Корделия направила в эфир дежурную улыбку, – бригада рабочих наткнулась на основание так называемой Навигацкой школы, более известной как Сухарева башня. Найдены остатки окон с белокаменными картушами и фрагменты кладки фундамента, уходящего глубоко под землю. По завершении строительных работ в переходе планируется открыть археологический музей. В связи с этим одна из стен туннеля будет прозрачной…

– Вот, блин, сами не ведают, что творят, самоубийцы! – вздохнула баба Ванда и вышла из программы. – Быть беде…

Ей было хорошо известно, что в свое время москвичи за три версты обходили эту самую башню, хозяин которой знался с нечистой силой. В самом верхнем этаже он оборудовал лабораторию, и окно ее светилось каждую ночь, убеждая москвичей, что колдун предается своим магическим изысканиям. Много легенд связано с Сухаревкой, например, остались свидетельства современников Брюса о железных птицах, вылетавших из окон его башни по ночам… А потом они возвращались назад по слову графа!

Баба Ванда мечтала найти магическую книгу Брюса, чтобы развить с ее помощью свою Силу. Но книга эта бесследно исчезла после гибели ученого. И все-таки оставалась надежда отыскать ее: ведь было известно, что еще императрица Екатерина Первая поставила у башни караул, окончательно отмененный большевиками только в 1924 году. Значит, там было что охранять? И если таинственную книгу так и не нашли при разборке башни, то, возможно, она все еще находится там, в ее подземельях, в таинственной заколдованной комнате, куда нельзя войти безнаказанно. А еще в этой комнате должно было сохраниться Брюсово собрание магических предметов.

Баба Ванда задумалась. До чего же кстати появился в ее квартире на Сретенке профессор Серебряков! Ему не хватает навыков в астрологии, но и она нуждается в его помощи.

Ей, конечно, многое по силам, но специальных знаний в области квантовой магии катастрофически не хватает. Тут-то и пригодится профессор! Она поможет ему оживить чернокнижника Брюса, а там видно будет. Главное – ввязаться в хорошенький магический бой. Из-за такой книги стоит рискнуть собой.

Ванда крепко зажала в кулаке медальон, с которым после визита Серебрякова практически не расставалась. Казалось, он слабо, еле заметно вибрирует у нее в руке. Она чувствовала волшебные токи, над которыми было не властно время.

Баба Ванда намеренно утаила от Серебрякова и девочек часть известной ей истории неудавшегося воскрешения Брюса. Брюс действительно погиб во время проведения опасного опыта у себя в подмосковном поместье Глинки. Граф не только мечтал о бессмертии, но и знал, как его достигнуть! Он не только велел своему слуге умертвить себя, разрезать тело на части. Он оставил Блюменталю рецепт эликсира жизни из своей Книги. Опыт почти удался, но не был завершен должным образом. То ли в лабораторию ворвались враги Брюса, убили слугу и похитили эликсир жизни, то ли сам слуга струсил, когда увидел, что части тела стали срастаться между собой, и не довел дело до конца…

Наверное, поэтому неприкаянный дух Брюса вернулся с кладбища при Единоверческом монастыре в свою любимую башню и с тех пор плутает где-то в ее подземельях. Во всяком случае, в этом до сих пор уверены коренные москвичи,

живущие в районе Сухаревской площади…

Алиса встала, вытерла слезы и, отряхнув юбочку, побежала по лестнице вниз. На первом этаже она резко остановилась. Обычно стальная дверь подвала была заперта на здоровенный висячий замок, но на этот раз все было наоборот: дверь была приоткрыта, а замок куда-то исчез! Алиса подошла поближе и прислушалась. Да, из глубины подвала доносился какой-то неясный шум и вроде бы тихое рычание. Выскочив из подъезда, Алиса окликнула заждавшуюся Юлю.

– Юлька! Давай сюда быстрее! – Алиса приплясывала на месте от нетерпения.

– Куда? Ты чего так долго?

– Давай залезем в подвал! Там дверь открыта…

– Это такая шутка, да? – трусоватая Юля нервно повела плечом. – Опять тебе неймется, Алиска?

– Неужели тебе не интересно? Мы же никогда не были в подвале, первый раз вижу, чтобы дверь открыта была. Ну Юлька! Мы быстренько, только глянем одним глазком и сразу назад…

– Ну хорошо, – неохотно сдалась Юля. – Пошли.

Девочки спустились по ступенькам к тяжелой стальной двери, потянули ее на себя и через пару шагов оказались в довольно широком низком коридоре, по его потолку и стенам шли толстые черные трубы, где-то еле слышно капала вода. Трубы уходили в темноту.

– Фу, как противно пахнет погребом, – сморщила нос Юля. – Видишь, здесь нечего смотреть, давай обратно, а?

– Тише! Слушай! Там кто-то есть! – Алиса быстро пошла вперед, а Юля нехотя поплелась за ней, отставая все больше и больше.

Скоро она отстала совсем, зато прямо перед носом Алисы заколыхалось что-то вроде полупрозрачной ткани из тонкой паутины. Алиса протянула руку, с опаской коснулась преграды – она была холодной на ощупь и подалась всего на пару сантиметров вглубь. Тогда Алиса попыталась отодвинуть ее в сторону. Из этого тоже ничего не вышло – ткань, несмотря на кажущуюся легкость, пружинила под рукой, но не поддавалась. Дальше хода не было, а ведь Алисе вдруг стало страшно интересно – что там, за этим занавесом. Именно оттуда доносились какие-то странные звуки.

Алиса закрыла на секунду глаза и отчаянно пожелала оказаться по ту сторону паутины. Неожиданно она разделилась на две половинки, которые, словно занавес в театре, расступились в стороны под ее руками и… Алиса увидела освещенный очень слабым голубым светом подвал, в противоположном углу которого на задних лапах сидела небольшая черная собака в красном комбинезончике, а перед ней полумесяцем выстроились крупные черные коты. Было их около дюжины. Собака сдержанно зарычала, но это не остановило котов – они как по команде сделали шаг вперед и прижались к полу, готовясь к прыжку.

Алиса крикнула, чтобы отвлечь их на себя, а когда коты обернулись, вздрогнула от ужаса. Ну и уроды! Горящие зеленым пламенем глаза, оскаленные пасти, острые кривые зубы, вывалившиеся синие языки… Бедная собачка! Алиса с разбегу перепрыгнула шеренгу замерших от удивления котов, только один из них успел в сальто-мортале чиркнуть ее когтями по ботинку. Алиса ловко приземлилась и отфутболила кота ногой.

– Не бойся! – крикнула она загнанному в угол песику. – Сейчас мы им покажем! Эй, а ну-ка, брысь отсюда, кошки драные!

Голос у Алисы сорвался от волнения. Она закрыла собой собаку и принялась бестолково размахивать руками, чтобы испугать нападающих. Толку от этого было чуть! Вдруг песик бросился к стене и вернулся, неся в зубах кусок железной трубы. Алиса схватила ее, как дубинку, с размаху опустила на голову одного из котов. Тот откатился в сторону. Алиса встала в фехтовальную стойку и сделала несколько красивых выпадов, в точности как учил ее тренер. Еще два кота выбыли из числа нападающих, но их было все еще слишком много, и они не собирались отступать.

Собака жалобно заскулила, от этого Алисе стало еще страшнее. И одновременно она почувствовала, что медальон у нее на груди из теплого становится нестерпимо горячим. Она сняла его с шеи и подняла над головой– опал засиял в полутьме тусклым розовым светом. Коты с диким мявом по-

пятились. Алиса тут же принялась взмахами железной палки теснить их к стене. Неожиданно коты сцепились в черный клубок и покатились к решетке люка у стены огромным, неопрятным, дурно пахнущим комом. Через секунду они исчезли разом, будто их и не было. Задержался только самый большой кот, наверное, предводитель этих страшилищ. У него был всего один глаз, но он горел такой неистовой злобой, что у Алисы чуть не подкосились от ужаса ноги.

Алиса бросила в него трубу, как городошную биту, но не попала, потому что кот вовремя растворился в воздухе. Труба упала на решетку с металлическим звоном.

– Если в стенке видишь люки, ты не бойся, это глюки, – сказал черный пес приятным баритоном.

Говорящая собака? Алиса изо всех сил помотала головой, чтобы избавиться от наваждения. Но это не помогло.

– Не крути головой, отвалится раньше времени, – посоветовал черный пес, держа переднюю лапу на весу. – Привыкай, если влезла куда не след.

– Это ты сказал? – с глупейшим видом спросила у него Алиса.

– Мадемуазель, вы видите здесь другой источник звука? – брюзгливо проворчал удивительный пес и представился: – Позволю себе рекомендоваться: Грызлов, Разлай Макдональдович Грызлов. Я домовым здесь служу с одна тысяча восемьсот шестьдесят первого года… Как сейчас помню, государь-император Александр II Освободитель крепостное

право отменить изволили, когда я на службу заступил…

Только теперь Алиса смогла получше разглядеть песика. Меж острых ушек у него была выстрижена шапочка, живые блестящие глазки прикрывали длинные брови, усы и борода придавали его симпатичной мордочке комично-серьезный вид. Что это за порода? Квадратное, мохнатое тельце, круглый задик и ножки коротенькие, с толстенькими ляжечками, да, точно – это скотчтерьер. Но что самое удивительное – на нем был ярко-красный комбинезончик с множеством карманов…

«Неужели это мне снится?» – подумала Алиса…

Ниночка Водорябова жила в однокомнатной квартирке на улице Усиевича. Зарабатывала она не очень хорошо, и ей хватало только на еду да на одежду. Родители давно умерли, и некому было оказать ей хоть какую-то поддержку, из родственников осталась одна старенькая тетя, которая сама нуждалась в помощи. Ниночка эту помощь ей оказывала по мере сил, не забывая, что тетя старенькая, а квартира у нее хорошая, в районе метро «Аэропорт». Когда-нибудь она достанется ей по праву наследования, но все это в перспективе, а сейчас Ниночке больше всего не хватало сильного мужского плеча, на которое можно было бы опереться. Вот в чем она действительно испытывала настоятельную потребность!

Почему она избрала своей жертвой Владимира Владимировича Малышкина, она и сама не могла объяснить. Может,

просто рядом оказался. Но скорее всего сыграла роль ненависть к зазвездившейся вконец Корделии, и поэтому Малышкин стал казаться Ниночке самым лакомым кусочком. Получив инструкции от опытного колдуна по фамилии Волховитинов, она сначала опоила Владимира приворотным зельем, а сегодня нужно было провести обряд на заключительное завладение.

Комнатка Нины была заставлена самой разномастной мебелью, доставшейся ей по случаю от многочисленных знакомых, которым неохота было везти это барахло на дачу. У Ниночки было шесть стульев, и все разные, большой полированный стол с круглыми пятнами от горячих чашек и тарелок. Две тумбочки от разных гарнитуров, немецкий сервант, старый буфет с деревянными розочками на дверцах и диван – настоящий монстр, который пугал садившихся на него гостей неожиданными и причудливыми звуками. Еще полкомнаты занимал древний гардероб светлого дерева. Но Ниночка чувствовала себя дома уютно и вольготно.

Следуя советам колдуна, Ниночка вымылась в душе, облилась холодной водой из ведра, завернулась в новую простыню и прошла на кухню. Там, на маленьком колченогом столике было приготовлено все необходимое: большая тарелка с водой, две черные свечи, грубо вылепленная восковая кукла, наряженная в носовой платок Малышкина. В тельце куклы находились два волоска, с большим трудом добытых с его пиджака. Чуть поодаль лежала подушечка для

булавок, ощетинившаяся швейными иголками.

Нина наглухо задернула на окне занавески, уселась за стол и поставила напротив себя небольшое зеркало. Осторожно, не торопясь, зажгла свечи и, глядя внимательно в зеркало, медленно и внятно проговорила:

– Шел поп до церкви. Катится колесо, играется, под ноги попу кидается, за полы его цепляется. Так бы кидался на меня Владимир, бросался на меня, кругом крутился, на меня, как поп на икону, молился. Черти, братья, помогите, Владимира покорите.

Она схватила куклу за шею и с силой проткнула иголкой то место, где должно быть у человека сердце.

– Чтобы сердце пылало ко мне. – Мрачно, с чувством проговорила Ниночка.

Следующая иголка вошла в лоб куклы.

– Чтобы мыслями пылал ко мне. – Голос у Нины чуть дрогнул, но она справилась с собой и продолжала.

– Чтобы любил меня больше жизни! – Она воткнула иголку в живот кукле. Затем положила куклу в тарелку с водой, лицом вниз. – Чтобы дышать без меня не мог!

Нина потушила свечи, снова зажгла их и сказала:

– Спал покойник в гробу, устал лежать на одном боку, хотел перевернуться, не смог проснуться. Покойник идет к гробу, гроб к могиле, могила к земле, а ты– ко мне! Как покойнику из гроба не встать, так и Владимир от Нины не денется никуда! Будь моим словом железный ключ, ключ в мо-

ре, замок на дне. Будьте мои слова крепки и лепки и непобедимы!

На Ниночку страшно было смотреть, за несколько минут она осунулась, лицо у нее покрылось потом, его крупные капли текли по щекам, как слезы. Ее чуть-чуть подташнивало, и руки у нее тряслись, как у древней старухи. Она молча собрала со стола все предметы, включая куклу, сложила их в черный узелок, прихватила из буфета лопатку для торта и вышла из дома.

Во дворе она подошла к дереву, росшему на отшибе, выкопала ямку и похоронила там куклу прямо в свертке. А когда возвращалась к подъезду, услышала, что ее кто-то зовет.

– Привет! – радостно крикнул ей интеллигентный сосед по лестничной клетке, Саша, как раз выходивший из дому. – Вы что там в земле прячете, валюту или золото-бриллианты? Смотрите, я ведь и откопать могу, богатым стану.

Нина растерялась всего на секунду.

– Канарейка сдохла, – сделав печальное лицо, сказала она и посмотрела Саше в серые глаза самым своим честным взглядом. – Не в унитаз же бросать…

– Примите мои соболезнования, – сочувственно покивал тот. – Царствие небесное вам обеспечено, добрая вы душа…

В огромном кабинете профессора Серебрякова царил полумрак. Сам он, сдвинув круглые очки на кончик носа, сидел за длинным лабораторным столом с раскаленным паяль-

ником в руке. Слева от него горела старинная лампа под железным абажуром, справа стояла подставка для паяльника. Дым от канифоли вился над жалом паяльника, поднимаясь к покрытому лепниной потолку, и в комнате из-за этого пахло почти как в церкви – ладаном. Прямо перед профессором на специальном стенде под квадратной лупой были зажаты две маленькие, покрытые капельками застывшего олова, платы.

– Ну брат Орангуташа… – сказал Серебряков застывшему в углу скелету обезьяны и ткнул в последний раз паяльником в плату, – можешь меня поздравить, друг мой. Теперь мы сможем пересылать тела на расстояние с помощью этих девайсиков, которые мы вставляем вот в эти чудо-варежки. – Говоря это, профессор достал из стола странного вида черные перчатки, внутренняя сторона которых была покрыта позолоченными керамическими пластинками. – Вставляем в них платы, теперь подключим питание… Вот так… Запускаем программу с голосовым управлением… На запястьях у нас дисплейчики. Задаем на них параметры телепортации… Направление перемещения… Расстояние, положим, пятьдесят метров, кодовое слово пусть будет… мутабор… Что бы такое переправить? Да вот хотя бы эту подставку. Так-с, паяльник отложим в сторону, чтобы высокая температура не повлияла на чистоту эксперимента. Теперь смотри, Орангуташа, я поднимаю руки над перемещаемым предметом, делаю пассы, как фокусник в цирке и… Мутабор! – крикнул профессор изо всех сил.

Из обеих перчаток вырвалось по лучу, напоминающему по цвету и яркости вспышку электросварки, на расстоянии полуметра от цели они соединились в один более толстый шипящий луч, упавший как раз на подставку. Некоторое время она словно пыталась сопротивляться воздействию лучей, потом стала полупрозрачной и, наконец, с негромким хлопком исчезла. В воздухе запахло свежими огурцами. Профессор, сняв очки, с торжествующим видом подошел к окну, раздвинул портьеры… И разглядел перемещенный предмет на гранитном парапете, окружавшем двор высотки.

– Вот так, батенька, – сказал он орангутангу, – ловкость рук и никакого мошенства. Беру на себя смелость утверждать, что сам Мерлин не проделал бы этот опыт с большим успехом, чем, я. Вот послушай…

Покопавшись на столе, Серебряков открыл старинную книгу в тисненом кожаном переплете и положил ее в круг света, образованный лампой. Осторожно переворачивая пожелтевшие от времени ветхие страницы, он нашел древнюю поэму под названием «Битва деревьев». До чего же красивое название! Профессор поправил на носу очки, откашлялся и с чувством прочел вслух, изредка поглядывая на орангутанга:

Множество форм я сменил, пока не обрел свободу.
Я был острием меча – поистине это было;
Я был дождевою каплей, и был я звездным лучом;
Я был книгой и буквой заглавной в этой книге;

Я фонарем светил, разгоняя ночную темень;
Я простирался мостом над течением рек могучих;
Орлом я летал в небесах…
И сам взволновался Господь, увидев мое рожденье,—
Ведь создан я магом из магов еще до творения мира;
Я жил и помню, когда из хаоса мир явился,
О, барды! Я вам спою, чего язык не расскажет…

Серебрякову особенно нравились строки о звездном луче, поскольку сам он в квантовой магии специализировался на телепортации физических тел путем перевода их в лучевое состояние и обратно. Об этом, о такой возможности мечтал еще Циолковский, который сам сталкивался с лучевыми существами, о чем и оставил запись в своих дневниках.

Когда-то именно это стихотворение натолкнуло профессора на мысль об ограниченности официальной науки. Ведь главная задача магии заключается не в фокусах или даже сотворении чудес на потеху легковерной публике, а в достижении могущества, близкого или равного всемогуществу бога!

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор… – радостно потирая руки, запел профессор, и вдруг вспомнил, что пришло время вечерних новостей, которые он имел обыкновение смотреть…

Он положил книгу на место, нашел среди беспорядочно разбросанных на столе рукописей и приборов пульт управления и включил телевизор – как раз вовремя. На экране возникла несравненная Корделия.

– Последнее время район Сухаревской площади не перестает удивлять нас аномальными явлениями, – сообщила она с самым озабоченным видом. – Сегодня около четырех часов дня здесь подверглась нападению большой стаи ворон группа школьников во главе с учителем. Вороны пикировали прямо на головы детей, и даже вызванный прохожими наряд милиции не сразу смог разогнать разъяренных пернатых. Главный санитарный врач России предупреждает о возможности эпидемии так называемого птичьего бешенства…

Серебряков, досадливо крякнув, щелкнул пультом, и экран погас. Птичье бешенство! Как бы не так! Мелко плаваете, господин главный санитарный врач. Все гораздо проще и страшнее! Дух Брюса до сих пор владеет этим участком земли, а все живое и потустороннее вынуждено ему подчиняться.

Еще Цицерон писал, что галатский король-друид Дейотар понимал знаки, подаваемые птицами, и умел пернатыми управлять, а Брюс – прямой потомок Дейотара. Род великого шотландца восходит – вы только подумайте! – к самому Мерлину. Этот прапрадед Брюса был наставником короля Артура, идеального правителя, который осуществил волю Неба на грешной Земле. Близится время освобождения его потомка от уз смерти, вот откуда все эти страсти и необъяснимые явления…

Глядя на вращающуюся воронку, Карлос вдруг подумал,

что если время вообще способно идти назад, то когда-нибудь оно неизбежно достигнет нуля и… Что будет тогда, все начнется сначала? Но это невозможно! Ведь тогда придется признать, что вечность не вечна, а имеет конец и начало! К сожалению или к счастью, но в магическом мире такой проблемы не существует. Все дело в том, что здесь, в мире магическом, возможно невозможное, а вероятное ничем не отличается от невероятного!

Давно уже не было у Карлоса случая остановиться и оглянуться, задуматься над тем, для чего он живет, и почему живет именно так – в бешеном, головокружительном темпе, ежечасно рискуя собой, принимая решения, от которых зависит жизнь и смерть тысяч и даже миллионов людей.

Еще в двадцатом веке стали гораздо чаще рождаться дети с необычными способностями. Их охотно, как подопытных кроликов, изучали в научно-исследовательских институтах и центрах, но одновременно считали нелишним опасаться и держать под контролем. Высокий, сверхразвитый интеллект сочетался у таких детей с гармонично развитым прекрасным телом. Их назвали «дети индиго», или просто «индиго» по цвету их ауры – ослепительно-синей.

С каждым последующим десятилетием таких детей рождалось все больше, а в конце двадцать первого века выяснилось, что они являются потомками древних магических родов.

Оказалось, что все индиго делятся на четыре группы. Пер-

вая – гуманисты, это будущие педагоги, социологи, руководители, политики. Вторая – познаватели, это будущие великие физики, инженеры, изобретатели. Третья группа – это художники: поэты, музыканты, актеры, живописцы. И последняя группа – терминаторы, способные жить во всех измерениях. Для них не существует границ между параллельными мирами.

Карлос оказался именно таким ребенком. Он вел происхождение от испанских грандов, и среди аристократов Иберийского полуострова у него было видимо-невидимо кузенов и кузин. Однако в мире будущего знатность значила еще меньше, чем в веке двадцатом. Его отобрали у родителей так же, как остальных детей индиго.

С самого раннего детства все они воспитывались в интернате для особо одаренных детей, размещавшемся в древнем кастильском замке, который, впрочем, в древности принадлежал одному из предков Карлоса.

Дети обучались по специальной методике, направленной на ускоренное развитие магических задатков. Десяти лет от роду Карлос перешел в следующее учебное заведение, став кадетом Магической Академии. Он переходил с курса на курс с похвальными грамотами по специальным наукам и с наинизшим баллом по поведению. Тем не менее на последнем году обучения в Академии его зачислили в Группу магического антитеррора и направили на курсы повышения квалификации для посвященных.

Это было нелегкое время, от юноши требовалось напряжение всех духовных и телесных сил, иногда казалось, что физические и магические резервы организма исчерпаны и дальше возможна только смерть. Тренировки магов-агентов напоминали систему подготовки сержантов в старой американской армии: с ее изматывающими многокилометровыми марш-бросками с полной боевой выкладкой. Преподаватели были строги до несправедливости и неумолимы, как сталинское судопроизводство, а скупая похвала из их уст воспринималась как выдающееся событие.

Согласно теории магии, человечество ко времени рождения Карлоса уже оставило за собой три ступени развития: измерение камня или земли, измерение огня, измерение воздуха. Четвертая ступень предполагает постижение измерения времени.

В то время как Карлос сдавал выпускные экзамены, маги-астрономы заметили противоестественные процессы в развитии Вселенной. Черные дыры, заполненные антиматерией, выстроились чередой на эллиптической орбите в миллионах парсеков от Земли, но тем не менее это привело к затруднению перелетов между галактиками и гибели нескольких научных экспедиций.

Благодаря самоотверженному труду и открытиям магов-физиков стало понятно, что накопленная человечеством энергия стала исчезать в черных дырах из-за того, что в прошлом было нарушено магическое равновесие…

В подвале стало тихо, как в могиле. Справившись с изумлением, Алиса присела на корточки рядом с песиком. Возле него на сером цементном полу виднелись капельки крови.

– Ты ранен! – посочувствовала Алиса. – Давай я понесу тебя.

Когда Грызлов доверчиво протянул к девочке передние лапки, та удивленно ойкнула. Это были не лапки, а маленькие ручки с гладкими черными ладошками. Миниатюрные пальчики маскировала растущая сверху густая шерстка, на безымянном пальце виднелась небольшая ранка.

Алиса осторожно обхватила песика поперек живота, прижала к груди и понесла к выходу. Когда они дошли до того места, где висела странная ткань, Грызлов спросил:

– А как ты ухитрилась раздвинуть магический занавес? Это ведь не каждому дано, значит, у тебя есть Сила…

– Это был магический занавес? – удивилась Алиса, продвигаясь к выходу. – Не знаю, просто очень захотелось пройти.

Навстречу ей по темному коридору, опираясь одной рукой о стену, медленно шагала встревоженная Юля.

– Ой, Алиска! Как же ты меня напугала… Куда ты делась? Ты просто пропала, я ищу тебя, ищу! Ой, кто это? Какой хорошенький! Заблудился, да?

– Это, Юль, Разлай… м-м-м… Грызлов…

Юля расхохоталась.

– Он что, тебе фамилию сообщил?

– Почему бы нет, что здесь такого? – недовольно проворчал Грызлов.

– Ай, – вскрикнула Юля, – он разговаривает!

– Не он, а Разлай Макдональдович, – уточнил домовой.

– Макдональдович? – ахнула потрясенная Юля.

– И учтите, мое отчество не имеет ничего общего с американскими котлетами из одноименного заведения! Я происхожу из старинного шотландского рода, моя бабка у самого Брюса служила рухлядницей!

Юля от удивления потеряла дар речи. Где-то в районе солнечного сплетения зашевелилось неприятное чувство страха и… Точно сформулировать свои опасения ей не удалось, но ничего хорошего здесь ожидать не приходилось.

– Надо ему ранку зеленкой обработать, – встревоженно сказала Алиса. – Воспалится еще…

– Здесь зеленка не поможет! – трагически возвысил голос Грызлов. – Тут вот в чем дело…

Из его объяснений стало понятно, что жуткие эти твари, на него напавшие, и не коты вовсе, а мертверы. В мертверов превращаются после смерти люди, которые пользовались черной магией, наводили порчу на себе подобных и сознательно служили Злу. Вот и облик у них соответствующий – выглядят как дохлые, полуразложившиеся коты. Особенно они не любят собак, подростков и музыку в стиле рэп. Но самое страшное: раз Грызлова укусил мертвер, то грозит ему

превращение в такого вот мерзкого вампира.

– Знаю, что надо делать! – закричала Алиса. – Надо отнести его к бабе Ванде!

Грызлов изо всех сил закивал:

– Знаю такую ведьму, слышал, что сильная она и знаменитая.

– Ну так пойдемте к ней! – крикнула Алиса, и компания почти бегом отправилась к бабе Ванде.

Разлай Макдональдович был тяжеленький, и девочки договорились нести его по очереди.

– Я вообще-то к кошкам хорошо отношусь, – продолжал вещать по дороге Грызлов. – Кошка домовому первый друг. Когда, например, в новую квартиру переезжаешь, надо первой кошку пустить, а еще сказать: домовой, домовой, вот тебе мохнатый зверь на богатый двор! И тогда жизнь хорошая в новом доме обеспечена. Особенно я скоттиш-фолдов уважаю, ну, кошек шотландских вислоухих. Эх, есть о чем с ними поговорить… А мертверы, брр. – Домового передернуло. – Твари они и в Африке твари.

До бабы Ванды спасатели добрались достаточно быстро, но запыхались все, даже домовой. Алиса хотела нажать кнопку звонка, однако дверь распахнулась сама, как по щучьему велению, и… девочки застыли в немом изумлении. На пороге стоял Швыров!

Кумир толпы! Идол фанатов рэпа! Вот он, здесь, на расстоянии вытянутой руки! И выглядит как самый обыкновен-

ный человек и одновременно почти так же, как на рекламном плакате: простое курносое лицо, синие, как будто удивленные глаза, короткие соломенного цвета волосы и слегка оттопыренные уши. Красавцем его назвать трудно, а в сумме очень симпатичный молодой человек двадцати трех лет от роду.

– Вам кого, дамы? – довольно неприветливо спросил он, переводя взгляд с одной подруги на другую.

По нему было видно, что он принял девочек за поклонниц, и особой радости это ему не доставило. Первой пришла в себя Алиса.

– Нам бабу Ванду, – громко сказала она, злясь на себя за невольное смущение.

– Вам назначено?

– Нет, – вмешался Грызлов, – но нам очень срочно, все равно как с острой болью!

Алиса отметила про себя, что Швыр совершенно не был удивлен тем, что черный скотч-терьер заговорил человеческим голосом. Впечатление было такое, будто он только и делал, что разговаривал в свободное от концертов время с черными скотч-терьерами.

– Понял, не дурак, – ответствовал рэпер и крикнул, обернувшись назад: – Тетечка! К тебе пришли!

– Кто это там? – послышался из глубины квартиры голос бабы Ванды.

– Это я, баба Ванда, Алиса Малышкина!

– Хорошо, хорошо. Вот я здесь. Что стряслось? – Баба Ванда выплыла в коридор, поправляя невозможный платочек на голове.

– Его укусили коты, эти, как их… мертверы! Помогите ему, прошу вас! – Алиса подняла Грызлова повыше, выставив вперед его укушенный палец.

Разлай Макдональдович скорбно опустил голову и тяжело вздохнул.

– Ага, ага… Вижу, – задумчиво покивала головой баба Ванда, – домовой во цвете лет, косит под скотч-терьера. Сейчас попробуем что-нибудь для него сделать. Неси его в кабинет.

По коридору они прошествовали целой процессией. Впереди Ванда, за ней Алиса с Грызловым на вытянутых руках, потом Юля, которая все время спотыкалась на ровном месте, потому что постоянно оглядывалась на замыкавшего вереницу Швыра. Он всегда ей очень нравился.

– Метни-ка болезного сюда, на стол. – Баба Ванда быстренько освободила место на столешнице, постелила чистую клеенку и уложила Грызлова на бок. – Ну-ка, давай, скидавай прикид! – сказала она командным тоном.

– Зачем? – возмутился домовой. – Укус-то на пальце!

– Делай, что тебе говорят, – рассердилась баба Ванда, – кто лучше знает, как надо, а? Ты или я?

– Тогда пусть эти отвернутся!

Алису некстати разобрал смех, и она закашлялась для ви-

да, чтобы скрыть свою невоспитанность. Домовой, который стесняется девчонок! Ну и чудеса! Значит, он считает себя мальчиком? Мужчиной то есть!

– Мы в коридор выйдем, Разлай Макдональдович… – как можно серьезней сказала Юля.

Вылетев из комнаты, девчонки все-таки прыснули, надеясь, что домовой этого уже не слышит. А баба Ванда взяла в обе руки по горящей свече и стала водить вдоль тельца Грызлова, стараясь не опалить шерстку.

– Выгоняю и выкликаю, как кошка боится собаки, как бумага боится огня, так и ты меня бойся, опалю, обожгу и выжгу! – Свечи оказались в опасной близости к нежным пальчикам Грызлова.

– Эй, осторожней! – не выдержал тот, отдернув лапки.

– Отвянь! – прикрикнула на него баба Ванда и нараспев произнесла: – Пошел прочь, мертвячий дух! Как правда, что солнце встает, так и правда, что домового яд не возьмет! Слово мое каменное, дело мое правильное! Язык. Ключ. Замок.

Баба Ванда загасила свечи в миске с водой. Грызлов приподнял голову над столом и спросил слабым голосом:

– Все?

– На время это поможет, но только на время! Знаю я, чем укус вампира вылечить можно, знаю, где лежит это, да не добраться нам до нужного места…

– Куда нам надо? – встрепенулся домовой. – Говори, баба

Ванда!

Ворожея объяснила, что добраться им нужно ни много ни мало до тайной комнаты Брюса в подземельях Сухаревки. По сведениям, которые передавались в роду Ванды от предка к потомку, выходило, что где-то там хранится перстень Гиппократа, при помощи которого Брюс лечил безнадежно больных и умирающих. Перстень этот и Грызлова запросто поставит на ноги, вернее, на лапы, да и ей самой в целительстве пригодится. А еще она не оставляла надежды найти Тайную книгу Брюса. Вот тогда бы она стала всем ведьмам ведьма! Но об этом она, самом собой, предпочла умолчать. Еще не пришло время раскрывать карты.

– Ничего нет проще, – заявил Грызлов, – недалеко это, в подземельях под Садовым кольцом, бабушка меня еще малюхоньким туда сколько раз водила! Помчались!

– Ну нет, зачем гнать волну? – возразила Ванда. – Завтра с утра почапаем, уж больно по ночам нечисть активная!

Кухня у бабы Ванды была самой что ни на есть современной. Ни горшков, ни ступок на ней не наблюдалось. Зато была микроволновка «Панасоник», громадный холодильник стального цвета, а на длинной столешнице теснились ростер, тостер, соковыжималка и миксер. Кафельная плитка была нежно-розового цвета, а безукоризненно чистые и выглаженные полотенчики – голубого. Возле раковины висел на крючке кокетливый фартучек с оборками.

– Поставь чайник, Мишенька, – обернулась баба Ванда к Швырову.

Тот проворно налил воды из фильтра и нажал кнопочку на пластмассовом чайнике. Юля пихнула Алису локтем и тихонько прошептала ей на ухо:

– Мишенька… Подумать только…

– Садитесь, – радушно сказала баба Ванда, – сейчас я вас чаем с ватрушками напою.

Грызлов заметно оживился и сообщил, что без ватрушек ему жизнь не мила, потому что он, дескать, на них вырос. Будто бы его бабушка пекла потрясающие ватрушки, за которыми домовые выстраивались в очередь от Лефортова до Разгуляя, где находилась ее резиденция.

– А разве домовые едят ватрушки? – удивилась Алиса.

Грызлов рассмеялся и замахал на нее здоровой рукой.

– Конечно, едят! И молоком запивают! – произнес он своим приятным баритоном. – Эх, кабы мне сейчас стаканчик молока пропустить… Для поправки здоровья.

– Легко, – сказала баба Ванда, вытаскивая из холодильника пакет молока с похожей на волшебницу старушкой на боку, – угощайся на здоровье.

Баба Ванда плеснула молока в пузатый серебряный стакан, по краю которого вязью шла надпись «Его и монаси приемлютъ», и поднесла его домовому. Тот отхлебнул из стаканчика, поцокал языком:

– Свежее. Знатно… Зело борзо!

Швыров тем временем подливал девочкам чаю, а баба Ванда выглядела бы обыкновенной тетушкой, если бы на ее носу не сидели необыкновенные синие очки…

Карлос стоял в центре воронки, наблюдая за нечистью, которая медленно кружила вокруг него против часовой стрелки. Нападать они перестали, но уюта это не прибавило. Мортпаззлы сложились в огромную акулью пасть несколькими рядами острых, как вилы, зубов. Мертверы держались особняком, а йерубы храпели на все подземелье, вольготно раскинувшись в живописных позах прямо на дне воронки.

За свои тридцать два года Карлос впервые попал в такое безвыходное положение. Он с грустью признался сам себе, что вряд ли ему удастся выбраться отсюда без посторонней помощи. Только от кого этой помощи ждать? Ни одно из экстренных средств магической связи не работало в этом гиблом месте. Он уже пробовал двигаться в обратном направлении, но ничего не получилось– слишком силен был крутящий момент времени. Долго сопротивляться не было сил.

Карлос расслабился, погрузился в атмосферу воронки, как в черный вязкий кисель, и медленно поплыл по кругу вместе с другими узниками Кокона Велиара. «Лучше включить голову, чем тратить силы напрасно… Думай! – приказал он себе, – думай, не бывает безвыходных ситуаций!»

Карлос попытался припомнить курс демонологии. Как жаль, что он пропускал занятия… Велиар, сподвижник Сатаны, адский лгун, толкающий людей на путь вранья и об-

мана, сын Ваала, демона вероломства, великого герцога ада. Да, сила их велика, но не бесконечна… И тут он вспомнил заклинание против демонов. Карлос вскочил и громко, стараясь не пропустить ни одного звука, произнес.

– Гутц! Алегемос! Карабша, гултай юхала! Саган! Небазгин!

Стенки воронки дрогнули, ее бег замедлился на несколько секунд, но вскоре кокон закружился с прежней силой. Карлос прикусил губу. Справившись с разочарованием, он попробовал еще раз. Воронка угрожающе загудела, у ее края на короткое мгновение появились синие искры, похожие на электрические. Нечисть пришла в движение. Мертверы разом зашипели, открыв зловонные пасти. За вампиров отвечает демон Сабнак, он ведает гниением трупов и следит, чтобы вампиры не разложились окончательно. Брр! Какая гадость! Сколько же их тут набилось?

Перед глазами Карлоса бегущей строкой пронеслись строчки из магических учебников и пособий. Не думал он, что первое, с чем столкнется в прошлом, окажется порождением демонических сил. Удивительно, но мир темных сил тоже стремится к иерархии и порядку.

Есть и главный архитектор, и хлебопек, и главный врач – демон Уфир, а еще Нибрас, отвечающий за развлечения, и Дантаман, подбивающий людей на злые поступки, и сотни, тысячи других демонов.

Но и они были бы бессильны против Силы Времени, ко-

торое вращает назад воронку Велиара…

В квартире Малышкиных бушевала гроза. Корделия, по своему обыкновению, обвиняла мужа во всех своих и чужих несчастьях. Она так разошлась, что спокойный по природе Владимир Владимирович даже прикрикнул на жену:

– Зачем ты Алису ударила, а? Кто тебе позволил распускать руки?

Корделия опешила от неожиданности. За семнадцать лет брака это был первый случай, когда Малышкин оказал сопротивление. Она с видом оскорбленной невинности прошествовала в ванную, чтобы перевязать голову полотенцем. Это должно было означать, что у нее зверски болит голова и она нуждается в сочувствии. При этом телезвезда не забыла попудриться, чтобы выглядеть бледнее обычного, а значит, и несчастней.

– О-о-о, – стонала Корделия, выходя из ванной, – за что мне такое наказание? Я стараюсь для всех, разрываюсь на части, лишь бы вам было лучше! И что я получаю? Одну только черную неблагодарность! Мало того что ты меня не любишь! Теперь еще и дочь из дома сбежала! Какая же я несчастная! – Она без сил рухнула на диван.

– Корочка! – Встревоженный Малышкин присел рядом с женой. – Я тебя очень люблю, очень!

В голове у Владимира мелькнуло, что, пожалуй, сейчас он любит ее куда меньше прежнего. Память услужливо подсу-

нула ему образ Ниночки Водорябовой, и Малышкин с усилием отогнал видение.

Корделия с трагическим выражением лица возлежала на диване и демонстративно молчала. На самом деле она очень волновалась за Алису, было стыдно и досадно, что распустила руки, но признать это даже перед близким человеком было совершенно невозможно.

– Ну и что мы теперь станем делать? – спросила Корделия возмущенно. – В милицию звонить? – Конечно, охотней всего она бы сейчас обратилась к ясновидящей Ванде, но слишком хорошо знала, что та не станет с ней церемониться и обязательно отругает за что-нибудь. – Вот дрянь девчонка! Где ее ветер носит, кто мне ответит?!

– Не переживай так, я Юле звонил, ее тоже дома нет, значит, они вместе. – Малышкин подвинулся еще ближе и осторожно погладил полотенце на голове жены.

– Ну слава богу! – саркастично улыбнулась Корделия. – Это, конечно, полностью меняет дело!

И она обиженно отвернулась от мужа.

– Нам скоро выезжать, сейчас машина придет за нами со студии, а ты еще не готова… – примирительно сказал Малышкин.

Корделия встрепенулась, резво спрыгнула с дивана и бросилась в спальню, к своему любимому трюмо.

– Позвони в милицию! – крикнула она громко, глядя в зеркало и машинально накладывая макияж на лицо.

– Я лучше полковнику Ягодкину позвоню, помнишь, я у него интервью брал, – возразил Владимир.

Через десять минут Корделия была готова к выходу– сказывался недюжинный опыт. Ее окружал запах модных духов.

– Что сказал твой хваленый полковник?

– Надо подождать. Заявление все равно не примут пока. Рано…

– Какое безобразие! – нахмурилась Корделия. – Никакого порядка в стране!

Микроавтобус уже ждал у подъезда. Сотрудники телецентра за стеклами окон приветственно махали руками. Малышкин привычным движением открыл дверь на салазках, и Корделия опустилась на свободное сиденье, величественно кивнув коллегам, как герцогиня Уэльская. Надо заметить, что Владимира Владимировича сослуживцы встретили более радушными улыбками, чем его супругу.

Когда микроавтобус подъезжал к повороту на проспект Мира, Малышкин увидел Алису, которая выходила со Сретенки на Садовое кольцо вместе с Юлей, высоким парнем и старушкой в больших синих очках. На руках у Алисы была черная собака, а парень в желтой бейсболке беспечно помахивал короткой палкой.

– Корочка, смотри! – радостно воскликнул Малышкин. – Вон Алиса!

Корделия нервно повернулась в его сторону:

– Где?

– Да вон же, слева, на той стороне кольца! Надо остановить машину! – Малышкин так разволновался, что задрожали руки.

– Опоздаем на эфир! – одернула Корделия. – Наверное, домой идет. Слава богу, что жива и здорова.

Было позднее утро, но профессор Серебряков все еще спал на своем старинном диване под клетчатым шотландским пледом. Накануне ночью он лег очень поздно, поскольку раскопал в Интернете такую отличную статью про друидов, что не смог оторваться, пока не дочитал до конца. Теперь ему снилось, что он читает студентам лекцию о принципах управления атмосферными явлениями, которые широко применялись друидами для улучшения видов на урожай или перевода погоды в режим серого ненастья, то есть магического сумрака, или для психического давления на противников.

И вот когда он во всеуслышание объявил, что, с одной стороны, вокруг друидов накопилось столько легенд и сказок, что практически невозможно отделить вымысел от фактов и научных данных, но, с другой стороны, легенды, как и предрассудки, – это обломки древней правды и они всегда имеют под собой более чем твердое основание… Именно в этот момент его разбудил телефонный звонок.

– Слушаю, – сказал профессор в трубку хрипловатым со сна голосом, – здравствуйте дорогая баба Ванда! Конечно!

Интересует ли меня Брюс? Еще бы! В любое время дня и ночи готов бежать сломя голову куда угодно! Где? В сквере на Сухаревке? Когда? – Серебряков посмотрел на часы. – Буду через двадцать минут…

Дело шло к полудню. Алиса, Юля, баба Ванда и Швыров уже больше получаса слонялись по скверику на Сухаревской площади, но профессор задерживался. Грызлов, со свойственной собакам и домовым непосредственностью, развалился прямо на зеленой траве газона. Он лежал на спине, закинув заднюю лапу на лапу, и покусывал крупными белыми зубами стебелек сорванного здесь же цветка.

– Эх, – вздохнула баба Ванда, устраиваясь на лавочке, – красота-то здесь какая! Башня как лебедь белая плывет.

Алиса и Юля завертели головами, оглядываясь вокруг, но ничего достойного внимания не увидели. Поэтому они с недоумением уставились друг на друга.

– Да не видят они ничего! – пренебрежительно хмыкнул Грызлов. – Не доросли пока…

Между тем было понятно, что у Швыра таких проблем не наблюдается. Он явно видел вместо проезжей части Садового кольца что-то высокое, потому что стоял, задрав голову в желтой бейсболке, и внимательно разглядывал нечто в пространстве перед собой.

– Неужели и правда не видите? – спросил он девочек. – Вон белые картуши на красных стенах, два крыла и башня

посередине. Похоже чем-то на высотку на площади Восстания.

Грызлов потянул Алису за подол юбочки, и она нагнулась к нему.

– Помнишь, как в подвале занавес магический руками развела? Делай так же!

Объяснив Юле, что надо делать, Алиса крепко зажмурилась и захотела увидеть… Когда она открыла глаза, то ахнула от удивления – кругом расстилался совершенно другой пейзаж. Юля тоже смогла его разглядеть, правда чуть хуже, чем Алиса, ведь она это проделывала впервые.

Садовое кольцо изменилось до неузнаваемости, никаких машин и асфальта не было в помине, каменные дома тоже исчезли. На их месте появились покрытые рощицами и кустами зеленые пригорки. Между ними бежали ручейки и речки с прозрачной чистой водой. Совсем недалеко раскинулась на холме живописная стрелецкая слобода с маленькими рублеными домами в окружении садов и огородов.

Сухарева башня стояла на пересечении Садового кольца со Сретенкой. Вернее, не Садового кольца, а расположенного на его месте Скородома, земляного вала с остатками деревянной крепостной стены. В нижней части башни виднелись большие деревянные ворота, укрепленные коваными полосами железа, по обе стороны от ворот были видны караульни, выше были палаты, окруженные крытой галереей, над галереей словно парили большие часы. Все окна обрамлял бе-

локаменный узор.

– Очень красиво! – Алиса внимательно присмотрелась. – А что это за птицы, там, над башней?

– Ты что? – Шныров удивленно уставился на Алису. – Какие птицы? Это же нечисть над башней вьется, приглядись получше, разуй глаза.

Алиса и Юля напрягли зрение так, что прослезились.

– Точно! – воскликнула Алиса, толкая Юлю в бок локтем. – Похоже на стаю прозрачных летучих мышей!

– Ужас, – охотно согласилась Юля. – Я этих летучих мышей больше крыс боюсь. Крысы по крайней мере не летают и не спикируют тебе на голову, когда ты этого меньше всего ждешь!

Все были так заняты разглядыванием башни, что не заметили, как к ним подошел профессор Серебряков. Он галантно раскланялся с девочками, пожал руку Шныру и отпустил комплимент ворожее:

– Вы как всегда обворожительны, Ванда.

Та зарделась от удовольствия:

– Скажете тоже…

Серебряков наклонился к Грызлову и попытался потрепать его по загривку, но тот отскочил в сторону и попросил без разрешения не нарушать его приватность. Серебряков замер на месте с открытым от удивления ртом. Пришлось Алисе пускаться в объяснения и рассказывать Серебрякову историю Грызлова, после чего профессор почтительно по-

жал домовому здоровую руку.

– Э-э-э, простите, вы так похожи на скотч-терьера с портрета Якова Брюса, который висит у меня в кабинете… Это не случайность? Ах, это ваша прабабушка? Тем более приятно познакомиться…

Грызлов вдруг запустил пальцы в густую черную шерсть на голове и принялся рвать на себе волосы, как трагический актер на сцене провинциального театра. При этом он похожим на рэп речитативом информировал присутствующих, что дни его сочтены и до прабабкиных лет ему дожить не суждено.

– Что такое? – спросила его баба Ванда. – Откуда такая уверенность?

Вместо ответа домовой показал ей на свой длинный, на вид совершенно кошачий хвост.

– Пропадаю я! Процесс с хвоста пошел… – И он горько заплакал, размазывая по щекам слезы маленькими, покрытыми черной шерстью руками.

Глава 3

В телестудии сегодня выдался особенно напряженный, суматошный и богатый событиями день. Редакторы, режиссеры и вся телевизионная братия сбились с ног, клавиатуры буквально дымились под летающими над ними пальцами корреспондентов. Репортеры чуть ли не одновременно брали по три интервью, причем в разных местах огромного мегаполиса. Короче, совершали информационные подвиги и творили чудеса профессионализма.

Малышкин устал неимоверно. Вернувшись в телецентр, он без сил рухнул в свое вращающееся кресло и пустым взором уставился в монитор компьютера. На нем, лениво шевеля плавниками, плыли мимо едва заметного крючка разноцветные рыбки. Время от времени одна из них заглатывала наживку и пропадала с экрана.

В эту минуту Малышкину больше всего на свете хотелось снять ботинки и выпить чашку хорошего чая, а не эту бурду из синтетических кофейных опилок, которой они угощались на студии. К тому же ему не нравилось то непривычное для него возбужденное, даже раздраженное состояние, в котором он по непонятной причине пребывал последнее время. А ведь он так гордился своей уравновешенностью и умением владеть собой.

Малышкин откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и

попытался расслабиться. Даже задремал, но ненадолго– кто-то ласково коснулся его запястья. Он вздрогнул и поднял веки: над ним, как две зеленые звездочки, сияли глаза Ниночки Водорябовой. Розовые губки ее расплылись в радостной улыбке.

– Привет! – прощебетала она. – Отдыхаем?

– Пытаюсь, – растирая лицо руками, ответил Малышкин. – Только не очень-то получается.

– Хочешь чайку? У меня отличный, просто отменный чай, оригинальный купаж разных сортов по моему рецепту!

– Ну если по твоему рецепту, – почему-то несказанно обрадовался он, – давай, я весь нетерпение…

Ниночка счастливо заулыбалась и пригласила Малышкина на свою территорию. Он шел за ней, как щенок на поводке, с удовольствием разглядывая сзади ее милую фигурку и стройные точеные ножки. Надо сказать, что женщины с такими ногами всегда вызывали у него уважение независимо от того, что и как они говорили. То есть, как и многие представители мужского пола, женщин он встречал не по уму или платью, а по ногам. С этим у Ниночки было все в порядке. И сегодня она почему-то выглядела особенно обворожительно.

А какую чайную церемонию она организовала в своей редакторской! Чай действительно оказался выше всяких похвал, и Малышкин пил его не торопясь, с толком, с чувством, с расстановкой. Даже жмурился от наслаждения.

Владимир и Нина сидели на стульях напротив большого

зеркала, обрамленного горящими лампочками. В комнатушке было жарко и так тесно, что их колени соприкасались, и обоим было невообразимо приятно чувствовать друг друга. Владимир ослабил галстук и расстегнул пиджак…

– Ой! – вскрикнула вдруг Ниночка. – У тебя пуговица на пиджаке на одной ниточке держится. Давай пришью.

– Да неудобно как-то, – начал отнекиваться Владимир, – у тебя своих дел полно…

– Глупости! Снимай, снимай, я сейчас быстренько слетаю в костюмерную и все сделаю, а ты пока чаю попей.

Малышкин послушно скинул пиджак. Водорябова впилась в него своими цепкими розовыми коготками и бросилась вон из гримерной. Оставшись один, Малышкин подмигнул своему отражению в зеркале, расслабился, налил себе еще чашечку чаю. От утомления и плохого настроения не осталось и следа.

Ниночка уже сидела под лампой в углу костюмерной. Она ловко вдела нитку в иголку и быстро пришила пуговицу. Потом маникюрными ножничками вспорола с краю подкладку пиджака, запихнула в дырочку крошечную тряпочку. Тряпочка была непростая, на ней была капелька Ниночкиной крови, мало того, в нее было завернуто несколько ее волосков. Зашивая подкладку, Водорябова шептала заговор. Был он длинный и сложный, но Ниночка ни разу не сбилась.

– Стану я, не благословясь, пойду, не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымным окном да подвальным брев-

ном, и побегу я в черный лес, на большое озерище; по тому озерищу плывет челнище, в том челнище сидит черт с чертищей. Пойди ты, чертище, к людям на пепелище и сделай разлад у них в избище. Чтобы Владимир жену ненавидел. И тебе мои словеса сильны и крепки, тем моим словесам быти отныне и до веку.

Ниночка убрала иголку с нитками в коробку, встряхнула пиджак, как полотнище флага, и торжественным шагом пошла обратно в гримерную.

«Вот так-то! – ликовала она в душе. – Ну, Корделия, посмотрим кто кого!»

Швыр с маленьким ломиком-фомкой в руке, а за ним и все участники экспедиции остановились в одном из зеленых московских двориков, затерянных в гуще сретенских переулков. У их ног слегка выступал из земли ничем не примечательный чугунный люк подземного коллектора. Хотя нет, при ближайшем рассмотрении оказалось, что по краю стального блина пущена надпись «Московская городская управа». Значит, это очень старый колодец, по крайней мере дореволюционный!

– Нам сюда, – постучал по люку ломиком Швыров.

Грызлов вскочил на люк и стал на нем подпрыгивать, словно мячик. Швыру пришлось согнать его нетерпеливым взмахом руки, но тот продолжал перебирать на месте ногами, как застоявшийся конь. Через минуту тяжелая крышка

уже крутилась на ребре, как брошенная монета, потом со звоном упала плашмя на асфальт. Швыр наклонился над колодцем и бросил вниз ломик. Судя по времени полета, шахта была довольно глубокая. Металлический звон донесся снизу с большим опозданием.

Первой во враждебную темноту подземелья спустилась Алиса, за ней Грызлов и все остальные. У Юли при этом было такое испуганное лицо, будто ей предстояло попасть на прием к зубному врачу. Профессор Серебряков страховал снизу бабу Ванду, а когда она оступилась на нижних ступеньках лесенки из арматурных прутьев, галантно поддержал даму. Последним спустился Швыр, поскольку должен был закрыть крышку люка. Раздался стальной скрежет, и стало темно как в склепе. Пахла темнота, кстати, соответствующим образом.

– Вот черт, фонарь-то мы забыли взять, – раздался голос невидимого Швыра. – Придется возвращаться.

– Стойте, сейчас будет свет! – крикнул запасливый Грызлов.

Он на ощупь достал из кармана своего комбинезона овальный черный камень. Это был древнеегипетский скарабей. Грызлов подул на него, и скарабей засиял белым светом не хуже любого диггерского фонаря. Все вздохнули с облегчением. Нет ничего страшнее слепящей темноты и неизвестности, которую она влечет за собой. Алиса с удивлением заметила, что, несмотря на яркий свет, никто из присутствую-

щих не отбрасывает тени. «Значит, это не обычный свет? – подумала она. – Надо будет спросить у профессора».

– Нам правой стороны надо держаться, – сказал домовой тоном специалиста.

– Это точно, – поддержал его Швыров, который неоднократно диггерствовал в прошлом. – Давай я твой фонарь понесу, я здесь выше всех.

– Не выше, а длиннее… – проворчал домовой.

Швыр, подняв руку со скарабеем, пошел впереди. Ломик он на всякий случай взял с собой. Сначала кирпичный коридор с бочкообразным потолком был широким, но вскоре стал сужаться. Кладка стен была удивительно ровной и аккуратной, с известково-белыми полосками между кирпичами. На некоторых из них стояло клеймо в виде двуглавого орла и даты – 1725 год. Да, это были старинные катакомбы.

Алиса с Юлей то и дело ойкали, спотыкаясь на битом кирпиче, которым был усеян пол коридора. Ванда держалась молодцом, профессор старался идти с нею рядом. Швыр между тем рассказывал, как он однажды давал концерт для диггеров в огромном круглом зале с колоннами, который находится под станцией метро «Измайловский парк».

Подземелья Москвы настолько грандиозны, что знакомство с ними вызывает шок у неподготовленного человека. Это буквально еще один мегаполис, только невидимый, неведомый, доступный лишь избранным. Кто же не слышал баек про обитающих в Метро-2 полуметровых крыс-людо-

едов? Про крокодилов, которых злые хозяева еще малютками спустили в унитаз? И которые, попав будто бы в благоприятные условия, вымахали там до десятиметровой длины? А что вы скажете о неизвестных науке подземных тварях, которые нападают на диггеров и бомжей, заблудившихся в темных переходах? Это ведь факт, который только дураки могут отрицать! Ведь полуистлевшие трупы и скелеты, как говорится, налицо?

Миновав пару раз такие экспонаты, Алиса и Юля чуть было не впали в ступор от ужаса. Они взялись за руки и решили держаться поближе к Швыру. Вот уж кто ничего не боялся! Шел себе и шел вперед, держа над головой сияющего скарабея, только руку менял время от времени. Зато Грызлову свет вообще был не нужен: домовые отлично ориентируются в темноте, даже лучше, чем летучие мыши или лемуры. Кроме того, у него было отличное верхнее чутье на всякую нечисть, поэтому время от времени он предупреждал друзей о грозящей опасности.

При этом он продолжал на глазах мутировать в кота-мертвера, что побудило его ускорить шаг, потом встать на четвереньки и даже перейти на рысь. Швыров время от времени вынужден был сдерживать его нетерпение криком:

– Спокойно, Разлай Макдональдович, спокойно. Потерпи, не суетись, а то провалишься в какую-нибудь инфернальную дыру, и мы туда за тобой…

– Хорошо, я понимаю… – Домовой остановился и пате-

тически добавил: – С нами женщины и дети…

Швыр посветил на него скарабеем. Бедный Грызлов! Как мало в нем осталось от скотч-терьера! Только густые бровки и шапочка волос на темени между вполне барсиковыми ушами. Все, что было ниже, говорило скорее о принадлежности к семейству кошачьих! Что касается совершенно неподобающего псу хвоста, то о нем можно было бы и не упоминать.

Все сгрудились вокруг несчастного. Он стоял, качаясь на тонких задних лапах, но поскуливал вполне по-собачьи, жалобно и убедительно.

– Поспешать надо! Не то мне конец! Ву-у-у-а-у!

– Хватит ныть, – оборвала его баба Ванда, – успеем тебя обработать, зуб даю!

– Давайте-ка действительно поторопимся! – сказал профессор и попросил всех расступиться, чтобы дать дорогу Грызлову.

Тот опять побежал впереди, его не было видно, но из темноты доносилось его недовольное сопение. Чтобы поспеть за несчастным скотч-мутантом, всем пришлось в три раза быстрей переставлять ноги. Хорошо еще, что коридор постепенно стал более узким, поэтому скорость движения опять снизилась. Сначала высоченный Швыр, а потом и профессор стали задевать потолок головой.

Через некоторое время пришлось наклониться и Алисе с Юлей. Торопясь за Швыром, они старались не смотреть по сторонам. Тем более что время от времени слева и

справа возникали черные зевы ходов-ответвлений, из которых доносились звуки капающей воды, хрипы, стоны и еще какие-то странные непонятные скрипы и скрежет. Трусихе Юле казалось, что из темной глубины за ними наблюдают чьи-то горящие желтые глаза.

Вдруг Грызлов остановился так резко, что шагавший за ним Швыр едва на него не наступил.

– В чем дело? Что случилось? – закричали все наперебой.

Грызлов ощетинился и грозно зарычал:

– Я чую йерубов!

– А, подумаешь, – пренебрежительно махнул рукой Швыр, – нашел кого бояться…

– Ну не скажи, Миша, йерубы ведь разные бывают! Активные и пассивные… – Баба Ванда, заметив непритворный интерес со стороны слушателей, пустилась в подробные объяснения.

По ее словам, эти шумные хулиганистые духи облюбовали одну из веток Метро-2, ту самую, которая идет от Измайловского парка на дачу Сталина в Кунцево. А прочая нечисть: мортпаззлы, мертверы, смертбусы и некробы облюбовали замороженный после смерти вождя измайловский комплекс подземных сооружений с его огромными залами и длинными переходами, откуда им удалось вытеснить все живое, даже вездесущих крыс.

– Давайте пройдем здесь, – предложил Грызлов, показывая пальцем на ведущий направо ход в стене, – если пойдем

прямо, угодим в ловушку, налево, – придется драться с йерубами…

– А мы не потеряемся? – спросила испуганно Юля.

– Да ты что, со мной потеряетесь? – возмутился Грызлов. – Мы уже почти пришли…

Раз в две недели домой к Малышкиным приходила домработница. Она делала уборку: мыла кафель, двери, подоконники, натирала паркет и чистила ковры. После ее ухода Корделия чувствовала себя совершенно разбитой и уставшей. Ужин, как правило, готовил Владимир, и получалось у него очень неплохо. Корделия загружала тарелки в посудомоечную машину, варила кофе или заваривала чай. Потом они сидели за столом еще полчасика, обсуждая последние события, а чаще всего Корделия вела разговор о переезде на новую квартиру. Она уже знала, какого цвета стены будут в спальне и какое ковровое покрытие будет постелено в прихожей. Малышкин давно не спорил, привыкнув, что в конечном счете все будет сделано так, как хочет Корделия.

Малышкин не заметил, как худенькая, голенастая и немножко нескладная молодая жена, добрая и восторженная, превратилась в снежную королеву с замашками рыночной торговки. Он помнил, как они радовались ее первым успехам, как, сидя за кухонным столом, покрытым скатертью в красно-белую клетку, пили дешевое сухое вино, чокались, говорили тосты и целовались. У Корделии был чудес-

ный смех – звонкий, мелодичный и заразительный. Он ничего общего не имел с ее теперешними смешками. Они так любили друг друга… А потом появилась Алиса, их солнышко, обожаемый ребенок. И так хорошо им было втроем!

Когда же все изменилось? Малышкин так глубоко задумался, что, когда очнулся, увидел сначала шевелящиеся губы Корделии, и только потом понял, о чем она говорит.

– Хорошо. Не переживай, я приму меры, честное слово. Я накажу Алису.

– Да уж, будь так добр! Ты вечно потакаешь Алисе, а я вынуждена вести себя как цербер какой-то или следователь ОГПУ![2] Скоро нам уезжать, а она до сих пор не явилась! У меня уже сердце колет…

Владимир смотрел на Корделию и не узнавал ее.

– О чем ты думаешь, Володя? Где ты витаешь? Вот и Алиса так же! Яблочко от яблони… Ладно. Пошла собираться.

Корделия распахнула шкаф и принялась перебирать одежду, аккуратно висящую на одинаковых плечиках. Хотелось надеть что-нибудь понарядней. Она выбрала три платья и положила их на кровать, встала перед большим, до пола, зеркалом и по очереди приложила их к себе. После недолгих раздумий Корделия остановилась на черном платье с лиловой вставкой. Она привезла его из Парижа. О! Какие воспоминания… И как красиво за ней ухаживал представитель французского телевидения!

---

[2] **ОГПУ** – аналог ФСБ в 20-х годах XX века.

Отогнав всплывшие некстати воспоминания, Корделия быстренько оделась и нанесла на лицо дежурный макияж. Гримерше останется лишь чуть-чуть поправить его перед выходом в эфир. Как ни старалась она успокоиться, ничего не выходило. И зачем только она ударила Алису? Как теперь наладить с ней отношения? Еще Корделию волновал вопрос, как это сделать, чтобы не уронить собственного достоинства.

Настроение было неважное, а это обязательно будет видно в эфире… Корделия попыталась натянуть на лицо обворожительную улыбку, но получилось у нее очень посредственно.

У Карлоса пропало ощущение времени. Он стоял у самого края воронки и пристально всматривался в темноту за ее пределами. Свет его фонаря частично поглощался стенками воронки, поэтому он мог видеть впереди всего лишь два-три метра пространства. Глаза привыкли к полумраку, и Карлос понял, что прямо напротив Кокона Велиара находится низкий коридор. Внезапно в этом коридоре стало светлее, и он увидел людей, идущих гуськом друг за другом. Впереди бежало странное животное, то ли кот, то ли собака, следом прошел молодой парень, за ним женщина в длинном балахоне, потом две девочки лет пятнадцати, шествие замыкал старик в старомодном сером костюме. Карлос громко крикнул, чтобы привлечь их внимание, но воронка глушила все звуки, как мокрый войлок. Свет чужого фонаря был виден еще некото-

рое время, потом стал слабее, и вот воронку опять окружила тьма.

Раздался громкий хлопок, все вокруг дернулось, покачнулось, черный туман поднялся с пола и заполнил все пространство воронки.

– Сейчас посмотрим, кого к нам занесло! – заржал йеруб.

Черный туман оседал потихоньку, видимость улучшилась, и Карлос разглядел существо, попавшее в ловушку. Понятно. Их соседом стал даркер, очень противное существо, которое порождает у взрослых и детей всякого рода страхи и фобии. У всех людей страх выглядит по-разному, поэтому и даркеры не похожи один на другого. Один может быть большим, размером со шкаф, другой маленьким, не больше игрушки. Кто-то из них бледен как мертвец, у кого-то все лицо поросло густой шерстью. Единственное, по чему безошибочно можно узнать даркера, это глаза. Глаза у них были одинаковые, пылающие ненавистью и большие, как плошки.

Попавшийся в ловушку даркер громко выл, но на стенки воронки не бросался, видимо был образованным. Потревоженная нечисть кружила вокруг нового пленника. Карлос отошел подальше. У многих таких тварей когти очень острые.

– Эй, как тебя там? – крикнул новичку йеруб. – Добро пожаловать в Кокон Велиара!

Даркер завыл еще громче. Туман осел, и Карлосу удалось разглядеть пришельца. Он был размером с человека, только

значительно тоньше, на костлявых плечах болталась огромная, как тыква, голова, руки свисали гораздо ниже колен, примерно до середины тощих лодыжек. Глаза горели, как железнодорожные фонари, вишнево-красным светом, а во рту у него выстроились в два ряда острые, тонкие, как иголки, зубы. Бедный ребенок – тот, что придумал такого монстра! Одно хорошо, пусть теперь даркер посидит взаперти и перестанет мучить по ночам своего создателя.

Почему многие родители не обращают внимания, когда их чадо жалуется, что у него в шкафу (на антресолях, под кроватью) прячется монстр? Стандартный ответ такой – чудищ не бывает! Неужели люди начисто забывают, как сами были детьми?

Новоявленные диггеры один за другим продвигались по узкому темному туннелю так быстро, насколько это было возможно. Впечатление было такое, будто они идут внутри упавшей сто лет назад на землю старинной заводской трубы. Алиса даже развела руки, чтобы проверить ее диаметр, и коснулась пальцами обеих рук стенок коридора. А Швыр все время задевал макушкой потолок. Грызлов чуял, что заветный кабинет уже близко, – так хорошая охотничья собака чует на большом лугу перепелку.

– Быстрей, быстрей! – кричал домовой, то забегая вперед, то возвращаясь к шедшему впереди Швыру.

Но с некоторых пор движение стал тормозить Серебря-

ков. Старый профессор начал задыхаться. Он хватал ртом тяжелый сырой воздух и шел с каждым шагом все медленнее, прижав левую руку к сердцу, а правой опираясь на кирпичную кладку. Сердце у него билось так, как будто пыталось вырваться из груди.

– Подождите меня! – Серебряков споткнулся на ровном месте и, падая, ткнулся плечом в стену.

Раздался страшный шум, – профессор исчез в образовавшейся трещине. Ветхий свод обрушился, лавина кирпичей, извести и пыли отрезала Серебрякова от его друзей.

– Вы живы, профессор? Отзовитесь! – услышал он как сквозь подушку приглушенный голос бабы Ванды.

К счастью, Серебряков оказался в полости, возникшей после обрушения потолка. От друзей его отделяла солидная гора кирпичных обломков.

– Я цел! Даже не ушибся! – крикнул он, задыхаясь и кашляя от пыли. – Только я ничего не вижу! Темнота полная! Я бы сказал, кромешная.

– Мы постараемся разобрать завал! – крикнула в небольшую черную дыру Алиса. – Держитесь, Вилен Стальевич! Мы быстро!

– И стойте на месте, профессор, никуда не двигайтесь! Свод очень непрочный! – предупредил Серебрякова Швыров. – Отойдите подальше, я ломиком сделаю проход.

– Хорошо, хорошо. Стою себе спокойненько и ничего не трогаю, – ответил Серебряков.

Завал оказался нешуточным. Швыр передал тетке светящегося скарабея, а сам некоторое время работал ломом, расширяя отверстие, потом взялся за кирпичи. Он брал их по одному, передавал Юле и Алисе, а девочки относили их подальше и складывали возле стенки. Грызлов все время тихо стенал, умоляя их поторопиться.

– Да мы и так из сил выбиваемся, не видишь, что ли? – прикрикнула на него баба Ванда, держа скарабея над головой работавших в поте лица подростков.

Домовой заскулил еще жалобнее. Баба Ванда поднесла скарабея поближе к Грызлову и сочувственно хмыкнула. Он окончательно трансформировался в кота, ни густых длинных бровей, ни кудлатой шерсти на голове не было и в помине. Типичная кошачья морда.

– Торопитесь! – воскликнул Грызлов, трагически заламывая руки.

– Ой, бедненький Разлай Мммма-кдональдович! Мы стараемся, стараемся! – тяжело дыша, сказала Юля. Она устала бегать с кирпичами от стенки к стенке.

В завале уже образовалась солидная брешь, и в ней показалось покрытое белой известковой пылью лицо профессора.

– Здесь позади меня большая трещина, а за ней какое-то гулкое помещение! – крикнул он спасателям. – Проход узкий, но пролезть можно.

Вскоре завал был расчищен, и тут с Грызловым произо-

шло что-то невероятное! Казалось, еще немного, и он лопнет от радости. Сначала он сплясал лезгинку, подняв передние лапки на уровень плеч, а потом сообщил, что благодаря профессору они открыли тайный проход к владениям старого Брюса. С криком «все, кто меня любит, за мной» он нырнул в узкий лаз, за ним следом с трудом протиснулись все остальные. Потолок лаза находился всего сантиметрах в семидесяти от пола.

Они очутились в очень высоком белокаменном пятиугольном зале с высоким куполообразным потолком. В гладких стенах не было ни намека на двери или проходы, если не считать трещины, через которую они вошли в помещение.

Вся компания выстроилась спиной к пролому и с растерянным видом принялась рассматривать гладкие стены, сложенные из белого камня и расписанные фресками на манер египетских пирамид. Но вместо фараонов на них везде присутствовал Брюс: вот он ставит алхимический опыт за столом с ретортами. А тут запускает железных птиц… А здесь составляет из цветов фигуру девушки…

– Посмотрите на пол, – крикнула Алиса, – здесь что-то нарисовано! Это пентаграмма! Только плохо видно, еле-еле.

Домовой побежал трусцой по лучам пятиконечной звезды, принюхиваясь к ней так внимательно, что по дороге расчихался, и вернулся в исходную точку. На его кошачьей мордочке появилось выражение отчаяния.

– Может, мы не туда зашли? – засомневалась Алиса, раз-

глядывая его с самым искренним сочувствием.

– Это здесь, я точно знаю! – горячо возразил домовой. – Я был здесь с бабушкой в тысяча восемьсот восемьдесят первом, двадцать восьмого февраля по старому стилю. Как сейчас помню, Достоевский Федор Михайлович помер в этот день. Вот только дверь куда-то делась! А ведь точно была. Ничего не понимаю… Заклятие я тут мощное чую.

Баба Ванда прошлась по кругу вдоль стен.

– Сейчас попробуем отыскать дверь, – сказала она напряженным голосом. – Миша, дай мне ломик. Железо нам поможет, его вся нечистая сила боится. Только дело это опасное, лучше не рисковать.

По приказу бабы Ванды все вернулись обратно в коридор, освободив круглый зал для магического эксперимента. Баба Ванда на глазах преобразилась – стала моложе и как будто выше ростом. Она сняла с головы платок, распустив по плечам густые темно-каштановые волосы, постелила его в середине комнаты четырехугольником и встала на него.

– На семи горах Сионских стоит велик столб каменный… – произнесла ворожея не своим, громким, ломким, звонким голосом, и высокий купол многократно усилил его звучание. – Приступая к двери сей, окружаю и в ширину и в глубину, утверждаю земной твердью, вызываю помощника отогнать демонскую силу от сей черты окруженной от еретика и волшебника. Утверждаю, где двери быти на камне Алатыре, ключ из моря вынимаю, замок в небе отмыкаю. Аминь,

аминь, аминь! Рассыпься!

Баба Ванда по очереди ударила концом ломика по лучам пентаграммы, вернулась в ее центр и начала поворачиваться вокруг своей оси, держа железный прут в вытянутой руке. Несколько секунд ничего не происходило, и каждый из наблюдателей по-своему расстроился из-за этого, как вдруг на конце ломика возникло фиолетовое сияние.

Хлопнул разряд, синяя молния ударила в стену. И в ней возникла массивная дубовая дверь с толстыми железными скобами и огромным висячим замком, на котором красовались инициалы ЯБ. Яков Брюс оставил здесь автограф! Вот здорово! Следившие за Вандой через щель зрители принялись криками и телодвижениями выражать восторг. Особенно отличилось в этом, ясное дело, самое заинтересованное лицо, вернее кошачья мордочка, – Грызлов.

Баба Ванда положила ломик на пол и разрешила спутникам вернуться в помещение. А когда они по одному протиснулись в пятиугольный зал, отвесила им низкий поклон, как актриса, вышедшая на бис после удачно сыгранного спектакля.

– Вуаля! – сказала она, показывая рукой на дверь.

Все зааплодировали. Усиленный акустикой потолка звук был таким мощным, будто бы это били в ладоши несколько тысяч впавших в состояние эйфории фанатов Швыра…

Ниночка Водорябова ждала результатов своего колдовства. По ее расчетам выходило, что Малышкин давно уже

должен был пасть к ее ногам, но этого все не происходило. Конечно, он стал очень мил с Ниночкой и видно было, что ее общество доставляет ему огромное удовольствие, но и только! А где предложение руки и сердца? В обеденный перерыв она отправилась к экстрасенсу Волховитинову, обещавшему помочь. Однако тот встретил ее холодно, покрутил носом и сказал, что денег не вернет и желает всего хорошего. Скандалить Водорябова не решилась, еще сглазит! Она повернулась, чтобы уйти, но колдун остановил ее и предложил купить старинную книгу за сравнительно небольшие деньги.

– Здесь написано о привороте все – от альфы до омеги, – заверил колдун.

Книгу она купила, даже толком не разглядев содержания, и вернулась на работу. Весь день Ниночка провела как на иголках. Она отвечала невпопад, путала все, и режиссер дважды за день делал ей замечания. Еле дождавшись вечера, она торопливо распрощалась с коллегами и рванула домой на такси.

Сумку она бросила в коридоре, забежала в комнату с книгой в руке и плюхнулась в кресло. Потом открыла вожделенные страницы. Да, написано было все, что надо. И Ниночка погрузилась в чтение. Звонил телефон, но она не отвечала, не до того было. Наконец она выбрала то, что нужно.

Водорябова, конечно, слышала о том, что приворот страшный грех и счастья потом не будет, но решила, что она будет исключением из правил и избежит неприятностей. На

секунду Нина задумалась. А любит ли она Малышкина до такой степени, чтобы пойти на риск? Нет, пожалуй, не любит… Но перед глазами встало ненавистное лицо Корделии, и Ниночка отбросила прочь все сомнения.

Еле-еле она дождалась полуночи, потушила везде свет и зажгла одну восковую свечку. На белую тарелку без каймы положила аппетитные пирожные, купленные в буфете телецентра. Распустила волосы и надела чистую ночную рубашку. Потом поставила тарелку на пол у свечи, а сама опустилась на колени рядом и хрипловатым от неожиданного волнения голосом произнесла черный приворот.

– Во имя того, чье имя не говорят, встану я, красна девица, и пойду не путем, не дорогой, а заячьим следом, собачьим набегом, и вступлю на злобное место. Зеследера, Пореастона, Коржана, Ардуна, с пламенем палящим и с ключами кипучими, идите к добру молодцу и зажгите молодецкую голову, и белое лицо, и ретивое сердце, и не мог бы он без меня ни жить, ни быть, как белая рыба без воды, мертвое тело без души, малое дитя без матери. И сох бы он по мне, как сохнут от великого жару и от буйного ветру. Будьте мои слова крепче и лепче клею карлуку и тверже зеленого булату и каменю. Тут моим словам ключ и замок!

Ниночка почувствовала удивительную легкость. На секунду ей показалось, что в темной прихожей кто-то есть. Она не без страха вошла туда и включила свет. Невероятно, но в одном из углов темнота растаяла не сразу, а постепенно, как

будто рассеялся густой черный туман.

Ниночка затушила и убрала свечу, подняла с пола и поставила на стол тарелку с пирожными. Завтра она угостит ими Владимира, и дело в шляпе. В книге написано, что на этот заговор не существует отворота. Так хорошо ей было, так спокойно, как бывает, когда проведешь длинный, бездельный день на пляже и к вечеру глаза слипаются сами собой и тело требует отдыха. Раздался звонок в дверь, и Нина подскочила на месте от неожиданности. Кого могло принести в такое время? Сердце подпрыгнуло в груди от радостного предчувствия. Это, конечно, Малышкин! А как же иначе! Она торопливо накинула на себя халатик и бросилась к двери. Но это был всего лишь сосед Саша.

– Извините! Я увидел свет у вас в окне, подумал, может, не спите? – Сосед переминался с ноги на ногу. – Сахарком не богаты? У меня кончился, а я как раз хотел чайку попить!

– Ну заходи, раз пришел, – не очень радушно сказала Нина…

Растерянные диггеры выстроились полукругом перед заговоренной дверью. Профессор Серебряков подошел к ней и подергал замок.

– Давно не открывали, – заметил он, – но на всякий замок найдется ключик!

– Дайте лучше я его ломиком, – сказал Швыр, поднимая инструмент с пола, – против лома нет приема…

Грызлов неодобрительно покачал головой.

– Эх, молодежь, молодежь… – сказал он печально. – Эта не та дверь и не тот замок, которые можно ломом взять. Они вторым заклятием заговорены.

– Кис, кис, кис, – поддразнил его Швыр. – Смотрите все, говорящий кот задом наперед!

– Весьма глупо, молодой человек! – с чувством собственного достоинства заявил Грызлов. – Грешно смеяться над больным домовым. Негуманно… – добавил он и, заложив руки за спину, отвернулся.

– Не ругайтесь, давайте жить дружно, – попросила их Алиса, а Юля ободряюще помахала Грызлову рукой.

Баба Ванда подошла к двери и положила обе ладони на замок.

– Положили замок, огородили каменным тыном, заперли каменной дверью, – сказала она тем же особенным голосом. – Иду за тридевять замков, несу тридевять ключов во единый ключ, во един замок. Отмыкаю и отпираю от востока до запада, от седьмого неба, и никакой птице не летывать без моего дозволенья. Откройся!

Но замок не шелохнулся. Баба Ванда повторила заклинание, – результат был тот же, а именно: никакого эффекта это заклинание не произвело вовсе. У ворожеи буквально опустились руки. Домовой сел на пол и тихонько заскулил. Несмотря на весь трагизм ситуации, все улыбнулись. Уж больно комичное впечатление производил скулящий по-со-

бачьи кот. Все застыли в недоумении: возвращаться на поверхность, не открыв двери, нет никакого смысла. Что же делать? И тут Алису осенило!

– Я знаю, что делать! – воскликнула она с пылом. А когда все повернулись к ней, торопливо заговорила – Я так понимаю, что самый опытный маг среди нас– баба Ванда. Так? А мы, хотя и не маги, все же обладаем какой-то Силой…

Профессор Серебряков не дал ей договорить.

– Гениально! – крикнул он, интенсивно потирая ладони. – Я понял: речь идет о соединении наших магических потенциалов. А результирующая даст необходимую для преодоления заклятия мощность. Умная девочка! – В порыве благодарности профессор даже погладил ее по красной тюбетейке, и Алисе пришлось скромно потупиться.

– Получается как в сказке о репке! – воскликнула радостно Юля. – Там тоже была кошка. То есть, извините, Грызлов, – сказала она дернувшемуся, как от удара хлыстом, домовому, – я имела в виду собаку. Жучка ее звали…

По команде бабы Ванды все подошли к двери и положили руки на замок. Он был такой большой, что еще и место осталось. Швыру, Алисе, Юле пришлось встать на колени, между ними протиснулся дрожавший от возбуждения Грызлов с поднятыми вверх руками: впечатление было такое, будто он шел сдаваться. А поверх голов баба Ванда и Серебряков наложили на замок руки.

На этот раз заклинание произносили все вместе. С послед-

ним его словом дужка со страшным скрипом и лязгом выскочила из корпуса замка. Ура! Получилось! Баба Ванда попыталась вынуть замок из петель, но у нее ничего не вышло.

– Ну-ка, Мишенька, теперь можно и ломиком поработать, – попросила она племянника. – Видишь, заржавело все…

Швыр, орудуя железной занозой как рычагом, с усилием вынул замок из заржавевших ушек, потянул на себя дверь, и она отворилась неожиданно легко. Темнота за дверью была плотной, как черный бархат, и из нее доносились какие-то странные, похожие на бульканье, звуки…

Пригласив соседа в комнату, Ниночка Водорябова отправилась на кухню и насыпала в пакетик полчашки сахарного песка. При этом она на все лады ругала про себя своего бестолкового соседа Сашу! До чего некстати явился! Вернувшись, она сразу заметила, что на тарелке не хватает одного пирожного, а Саша причмокивает и облизывается.

– Я тут позволил себе угоститься, – виновато сказал он, – так вкусно пахнет, не удержался, извините. Я больше не буду.

Не успела Ниночка возмутиться, как с соседом стало происходить что-то странное. Глаза у него словно остекленели, рот раздвинулся в жутковатой сладострастной улыбке, и он рухнул перед Ниночкой на колени, крепко ухватив ее руками за лодыжки.

– Что ты делаешь?! Ты с ума сошел, что ли? – Ниночка

попыталась вырваться, но сосед держал ее крепко.

– Нина, Ниночка! – кричал он с самым безумным видом. – Я люблю тебя, люблю страстно, безумно! Я жить без тебя не могу! Будь моей, дорогая!

– Отпусти меня сейчас же, идиот! – Водорябова с трудом освободилась от захвата.

Шаг за шагом она отходила назад, а сосед бойко передвигался за ней на коленях, норовя поцеловать край халата. Ниночка забежала за кресло, отгородилась им от Саши, но тот протянул к ней руки и заныл, как обиженный ребенок:

– Нина, умоляю, один поцелуй! Жить без тебя не могу, просто погибаю…

– Ай, – взвизгнула Ниночка, когда сосед попытался перемахнуть через кресло, – немедленно уходи!

Водорябова короткими перебежками добралась до телефона, и пока Саша вис у нее на коленях, набрала «02» и сообщила, что на нее напал маньяк.

Наряд милиции – трое пожилых, утомленных службой и жизнью ментов – приехал на удивление быстро. Стражи порядка с трудом скрутили впавшего в невменяемое состояние соседа. Ему заломили за спину руки, надели наручники и поволокли вон из квартиры. Саша все время оглядывался на Ниночку и кричал на весь подъезд:

– Не уводите меня! Нина, любовь моя, я вернусь!

– Он пьяный, что ли? – равнодушно спросил Нину сержант милиции, уходивший последним.

– Да откуда я знаю! – дернулась, как ошпаренная, Ниночка. – Главное – не выпускайте его. Он опасен для окружающих! – Она захлопнула дверь за милиционером, закрыла ее на замок и цепочку и вдобавок устроила в прихожей баррикаду из кресел и стульев.

Только после этого облегченно вздохнула, забралась в ванну и встала под холодный душ. Обычно это действовало освежающе, однако на этот раз легче не стало.

Нина легла спать в расчете на то, что утро вечера мудренее, но стоило погрузиться в дрему, как неведомая сила подбросила ее на постели. Она села и сильно сжала пальцами виски. Что же она натворила? Ситуация вышла из-под контроля! Кто мог ожидать такого оборота событий? И что теперь делать?

Остаток ночи Ниночка провела без сна. В конце концов встала, заварила себе крепкий кофе и несколько часов простояла возле кухонного окна, пока не стало совсем светло.

Баба Ванда решительным взмахом руки оборвала аплодисменты и заглянула в черный проем двери. А Грызлов прыгнул в него и пропал в темноте. По команде тетки Швыр поднял повыше скарабея, шагнул за порог, вслед за ним потянулись остальные.

Они оказались в очень большой палате неправильной ромбовидной формы. Это и был знаменитый тайный кабинет Брюса. Посередине сводчатого помещения стоял огромный

стол со столешницей зеленоватого мрамора, заставленный старинными приборами непонятного назначения. На изъеденной кислотой поверхности стояли колбы, реторты, перегонные кубы и разнокалиберные банки-склянки. Некоторые из них были пустыми, а в других на дне виднелись цветные следы высохших жидкостей и препаратов. В углу располагалось удобное на вид покойное кожаное кресло, немного дальше письменный стол, у стены стояли секретер и странного вида софа, одна сторона которой выглядела как застывшая морская волна. Количество книг в многочисленных книжных шкафах, застывших вдоль стен, поражало воображение.

Баба Ванда подумала, что, пожалуй, здесь будет очень трудно отыскать главную книгу Брюса, если, конечно, он догадался спрятать ее в своей библиотеке, а не где-нибудь в другом месте.

Грызлов сосредоточенно и с шумом обнюхивал мебель, разыскивая вожделенный перстень. Домовой ни на кого не обращал внимания. Юля жалась к профессору и старалась от него не отходить.

Алиса направилась поближе к стеллажам, полностью закрывавшим все стены. На полках теснились банки толстого стекла, а в них были заспиртованы всевозможные уродцы и диковины. Сначала Алиса подумала, что ей кажется, но, присмотревшись, она увидела, что обитатели банок живы и смотрят на нее. Помаргивая, они следили за ее передвижениями. Пораженная Алиса помахала уродцам рукой, они тут

же принялись активно махать в ответ. Так вот почему были слышны странные звуки! Жидкость булькала, когда узники пытались что-то сказать, и банки быстро наполнялись пузырьками.

– Смотрите! – закричала Алиса. – Они шевелятся, они живые!

К стеллажам подошел профессор, долго разглядывал экспонаты, потом с довольным видом кивнул.

– Спиритус универсале, – уверенно сказал он, – интереснейшая штука… А вы что скажете, Ванда?

– Да, это живая вода, – подтвердила ворожея, – посмотрите, вон в углу целая бутыль стоит, и ярлычок имеется… – А рядом на бутыли видите надпись «каменная вода»? Это значит «мертвая».

Внимание Швыра привлек совсем другой экспонат. Он положил скарабея на один из шкафов и направился в угол палаты. На невысоком постаменте стоял похожий на Железного Дровосека средневековый робот! На нем была металлическая юбка, голову покрывал металлический платок, а в клешнястых руках был зажат пустой поднос.

– Ого! – Профессор похлопал робота по плечу. – Это же знаменитая Железная Баба! Она прислуживала Брюсу за столом, он держал ее в своем поместье, хотя домочадцы дрожали от страха.

– А я думала, это легенда, – сказала Ванда.

Профессор был похож на ребенка, который попал в кла-

довую с вареньем. Он ощупывал железную куклу, а сам рассказывал о том, что слышал и читал по этому поводу. Оказывается, изучив живые организмы, Брюс научился создавать механические существа из подручных средств. Его современники рассказывали, что своими глазами видели железную бабу, которая умела ходить и говорить, но не имела души. Эта механическая горничная прислуживала Брюсу в лаборатории на Сухаревке, иногда граф отвозил ее в свое подмосковное поместье Глинки, где даже выпускал ее побродить по парку. Несколько раз она до смерти пугала крестьян, которые называли ее между собой «Яшкиной бабой». А после смерти Брюса среди его бумаг был найден искусно выполненный чертеж этого магического робота…

Алиса застыла перед коллекцией холодного оружия. И чего только здесь не было! Турецкие ятаганы и самурайские мечи, масайские кинжалы, мачете, томагавки, сабли и шпаги, изукрашенные потемневшими серебряными узорами. Небрежно прислоненная к стене, стояла трость из красного дерева с массивным набалдашником полированного серебра. Алиса взяла ее в руку. Трость оказалась очень тяжелой, но, что самое удивительное, была теплой, почти горячей на ощупь. Разглядывая трость, Алиса вспомнила, где ее видела. Подозвав Юлю, показала свою находку. И подруга сразу вспомнила:

– Ой, это же трость с портрета, который у профессора дома висит! Вот и углубление есть в набалдашнике. Вилен Ста-

льевич, посмотрите, что мы нашли!

Серебряков благоговейно взял трость, и лицо его расплылось в довольной улыбке.

– Она, голубушка! Кажется, это кипарис. А набалдашник из платины, а вовсе не из серебра, как я думал. Вот уж не предполагал, что такой знаменитый артефакт сохранился.

Неожиданно раздалась громкая барабанная дробь. Все обернулись на звук. Швыр сидел на полу по-турецки, зажав между ног обтянутый кожей и покрытый черно-красной росписью бочонок, и самозабвенно лупил по нему ладонями.

– Вот это звучание! – восхитился Швыр, отбивая какой-то негритянский ритм. – Ничего похожего никогда не слышал. Можно, я эту штуку себе возьму?

– Потом, пусть все остается на своих местах. Давайте ничего не будем трогать, пока не изучим обстановку, – сказал Серебряков, и добавил: – Во избежание непредвиденных последствий.

– Ищите перстень! – обиженно проворчал Грызлов. – Похоже, уже никто не помнит, зачем мы сюда пришли!

Отчаявшийся домовой в который раз обежал по периметру кабинет Брюса.

– Я чую, что он здесь, этот перстень. Куда же он запропастился? – сказал он тихонько и присел в уголке.

– Мы найдем его, Разлай Макдональдович, обязательно найдем! – постаралась утешить Юля. – Надо осмотреть все по очереди.

– Давайте разобьем кабинет на участки и поищем, – предложила Алиса.

Профессор распределил участки: Алисе достались полки с заспиртованными уродцами. Переходя от банки к банке, она заметила на крошечной ручке одного из них кольцо с гладким черным камнем.

– Вот он, перстень Гиппократа! – радостно закричала Алиса.

Домовой метнулся к полке, подпрыгнул и ловко смахнул лапой банку на пол. Брызнули во все стороны осколки, в кабинете остро запахло спиртом. В луже, образовавшейся на полу, с шумом отряхивался бледный, с огромными глазами крылатый уродец, то ли человечек, то ли маленький птеродактиль. А скорее и то и другое вместе взятое. Грызлов с рычанием вцепился зубами в перстень и с усилием стащил его с тонкой ручки чахлого создания. Издав победный клич, домовой кинулся вон, унося свое сокровище в темноту подземелья.

Уродец хотел было бежать за ним, но что-то его остановило. Оказалось, врожденная вежливость. Он сделал книксен и с чувством произнес:

– Спасибо за освобождение! Меня зовут Оссуарий, надеюсь, мы еще встретимся! А сейчас мне надо спешить, ведь я хранитель этого перстня!

Оссуарий расправил кожаные крылья, взмыл в воздух, сделал круг почета и спикировал в темень за дверью. Все в

недоумении переглянулись.

– Ну и ну, – сказала баба Ванда, – какие мы воспитанные!

– Кто же он такой, этот Оссуарий? – спросила Алиса.

– Сказано тебе, хранитель перстня, – ответила Юля.

– Да я не об этом, я спрашиваю, что это за существо! – Алиса с надеждой посмотрела на Серебрякова, но тот ничего конкретного сказать не смог.

А баба Ванда предположила, что это гомункулус – человечек, полученный из яйца, снесенного петухом, и выращенный в колбе.

– Ничего себе ребеночек из пробирки! – засмеялся Швыров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.